

АРТЕМ ДРАБКИН

**ФРОНТОВЫЕ
РАЗВЕДЧИКИ**

Артем Владимирович Драбкин
Фронтовые разведчики. «Я
ходил за линию фронта»
Серия «Фронтальная разведка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7059832

*Фронтовые разведчики. «Я ходил за линию фронта» / Артем Драбкин.: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71732-3*

Аннотация

«Я пошел бы с ним в разведку» – говорят о человеке, на которого можно положиться. Вот только за время, прошедшее с войны, исходный смысл этой фразы стерся и обесценился. Что такое настоящая войсковая разведка, чего стоил каждый поиск за линию фронта, какой кровью платили за «языков» и ценные разведсведения – могут рассказать лишь сами полковые и дивизионные разведчики. И каждое такое свидетельство – на вес золота. Потому что их осталось мало, совсем мало. Потому что шансов уцелеть у них было на порядок меньше, чем у других фронтовиков. Потому что, как признался в своем интервью Ш. Скопас: «Любой фильм ужасов покажется вам лирической комедией после честного рассказа войскового разведчика о том, что ему пришлось увидеть и испытать. Нам ведь очень и очень часто приходилось немцев не из автомата убивать, а резать ножами и душить руками. Сами вдумайтесь, что стоит за фразой «я снял часового» или «мы бесшумно обезвредили охрану». Спросите разведчиков, какие кошмары им снятся до сих пор по ночам...» И прежде чем сказать о ком-то, что пошли бы с ним в разведку, спросите себя самого: а сами-то вы готовы пойти?

Содержание

Иванов Мстислав Борисович	4
Действия разведки	9
Орден Славы 3-й степени	12
Орден Славы 2-й степени	16
Кобец Иван Лукич	26
Скопас Шалом Лейбович	36
Хваткин Николай Григорьевич	51
Бухенко Владимир Федорович	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Артем Владимирович Драбкин

Фронтовые разведчики. «Я ходил за линию фронта»

Иванов Мстислав Борисович

Я родился в 1924 году в городе Костроме. В семье я был единственным ребенком. Мой отец, бывший подпоручик царской армии, преподавал физику в школе ФЗО. В 1930 году отцу дали пять лет. Три с половиной года просидел – отпустили. В лагере он был заместителем начальника электростанции Кузнецкого бассейна. Как он потом говорил: «Мне там доверяли так, как на гражданке уже не доверят». В Кострому он уже не вернулся – мы переехали в Ката-курган. Оттуда мы с ним ушли на войну. Он погиб под Полтавой при штурме села Жоржевка. По официальным данным, пропал без вести. Но комсомольцы, когда хоронили убитых, нашли у него письмо и переслали матери.

Война началась, когда я окончил 9 классов. Все рванулись в военкоматы, лишь бы взяли, ну, я тоже. День рождения у меня 3 января – я почти 1923 года. Но меня все равно не взяли. Только по окончании школы, 20 сентября 1942 года, меня мобилизовали. Отправили в Ташкентское пулеметно-минометное училище. Там за три месяца из нас должны были сделать лейтенантов. В училище мне присвоили звание сержанта, и я стал командиром отделения. Мы уже сдавали экзамены, когда наш курс бросили под Сталинград. Причем отделение

отправили, а меня как отличника оставили, чтобы я доедал экзамены. Но я рвался ехать со всеми – оставляли не только отличников, но и блатных, и мне не хотелось, чтобы обо мне думали как о дезертире. Я больше десяти раз ходил к начальнику училища, просил, чтобы меня отправили с ребятами. Он меня выгонял, говорил, что я больше принесу пользы на фронте, будучи лейтенантом. В какой-то момент он не выдержал, выругался и занес меня в список отбывающих на фронт.

Когда мы прибыли под Сталинград, потребность в таком количестве квалифицированных пулеметчиков и минометчиков отпала. Нас и еще эшелон узбеков просто влили в 252-ю стрелковую дивизию, потрепанную в боях. Разбросали курсантов кого куда. Я пошел в полковую разведку – там больше сам думаешь, чем кто-то за тебя. Со мной пошли и все ребята моего отделения.

– *Чему учили в Ташкентском пехотном училище?*

– Начальником училища был полковник Мешечкин, пришедший с фронта после ранения в живот. Занятия по 12 часов... Все на воздухе, невзирая на погоду! В Ташкенте тоже зима не сахар: и слякоть, и дождь, и снег. Топографию надо бы в классе преподавать, а мы – на улице. Преподаватель стоит, дрожит, мы все дрожим, а он нам рассказывает всякие координаты. Я учился на командира взвода пулеметов «максим». У пулемета 22 типа задержек. Самое трудное – снаряжать матерчатую ленту. Никаких машинок не было. Ограничителей нет – все на глазок. Чуть перекосил – его заело. Да еще он тяжеленный, гад. Марш-броски... Я физически был крепкий. У нас от роты надо было отправить взвод на соревнования – с полной выкладкой бежать 20 километров. Мы заняли первое место! Нас потом хорошо покормили. Хлеб был, что-то мясное было, но все равно не хватало – такая страшная физическая нагрузка. Когда назначали отделение дежурным по кухне, я съедал котелок супа и котелок каши за раз. Как-то раз нас послали разгружать эшелон со свинными тушами. У каждого был нож, и каждый что-то отрезал от свиньи. Один раз послали в погреб, разгружать бочки с топленным салом. Мы голодные. В подвале была капуста и эти бочки. Расковыряли одну. Много ли сожрешь его без хлеба?! Давай с капустой его жрать! Все попали в госпиталь, кроме меня, желудок оказался крепче всех. Но сливочное масло до сих пор не могу есть. Настроение в училище было нормальное – быстрее на фронт!

Попали мы на Курскую дугу. В самую мешанину. За три дня боев в ротах из 100–120 человек осталось по 5–10 человек. В этой катавасии мое отделение получило первое задание – по возможности связаться с соседями и взять «языка». Надо сказать, что в отделении, кроме курсантов, был здоровый парень Федя, который недавно освободился после вооруженного ограбления ювелирного магазина. И один казак после госпиталя. Мы пришли в окопы. Пехота обрадовалась: «О! Пополнение! Восемь человек!» – «Нет, ребята, мы на задание. Надо взять «языка». – «Не возьмете: растянули колючую проволоку, оставили только коридоры, чтобы им можно было ходить в атаки. Подходы заминированы. Против каждого коридора по два пулеметчика. Кроме того, перед пулеметами в боевом охранении автоматчики. В общем, не пройдете».

Я подумал: «Всем идти – погибнем, а ничего не сделаем». Говорю: «Кто пойдет со мной?» Все подняли руки, даже кто и не хотел. «Федя, полезли с тобой. Пойдем прямо на пулеметчиков. С двумя справимся».

Август. Трава сухая. Немцы ракету пускают и стреляют. Ракета потухнет – затишье, и мы ползем. Автоматчиков в охранении мы проползли. До окопа оставалось метров двадцать. Только потухла ракета, я приподнялся на локтях – посмотреть, увидел, что за пулеметом действительно два человека. Еще подумал: как-нибудь с ними справимся. Может быть, трава хрустнула или автоматчик наобум очередь дал. Только одна пуля попала в меня, вошла в правую лопатку, из левой вышла, зацепив левое легкое. И так стало обидно: на первом зада-

нии, ни разу не выстрелил по врагу, а уже готов! Кровь хлынула изо рта, и я потерял сознание. А потом чувствую, что сознание проясняется, но говорить не могу, изо рта кровь идет, руки не работают – прострелены лопатки. Я сам «язык» – приполз прямо к немцам, бери – не хочу. У меня и гранаты, и пистолет, а застрелиться не могу. Потом чувствую, меня кто-то сзади за ноги берет и тащит. Федя! Сам отползет, меня подтянет, отползет, подтянет. Так в какую-то воронку он меня спустил. Я хриплю. Говорит: «Славка, что с тобой?» Разорвал гимнастерку – там дырки и кровь. «У тебя пуля насквозь, ты умрешь». Я замотал головой: нет, не умру. Он меня перевязал. Говорит: «Поползу за ребятами, а то один я не вытащу тебя». Приползли ребята, положили меня на плащ-палатку. И побежали, потому что ползти – это длинная история, а ночь на исходе. Как только ракета потухнет, они встают во весь рост и бегом. Ракета щелк, они меня бросают... Я помню только первый бросок, после него я в сознание пришел уже в наших окопах. В общем, вытащили меня. Принесли, положили с тяжелоранеными. На задание шли без документов, без знаков отличия... Ребята обещали отправить документы в санроту, а сами ушли докладывать, что не смогли выполнить задание, что я ранен. Тут прибегает какой-то лейтенант: «Срочно вывозите тяжелораненых, нас окружают немцы! Осталась одна дорога и та простреливается!» Положили меня и еще двух человек на двуколку без рессор с большими колесами. Ездовой старичок по этой простреливаемой дороге галопом как дал! Помню только первую кочку... Очухался уже в санроте. В санроту пришли ребята, принесли документы. Из сан-роты меня в госпиталь, в Борисоглебск. Там пролежал недолго, и меня перевели в команду выздоравливающих на станции Хреновая. У меня одышка, а меня уже выписали! Говорю: «Я еще и дышать толком не могу. Куда вы меня выписываете?!» – «Ничего, если второй раз ранят – придешь, долечишься. А если убьют – чего лечить?» Юморной врач попался.

Набрался нас таких выздоравливающих целый взвод, и привезли нас в запасной полк. Не полк, а лагерь какой-то. Территория огорожена колючей проволокой. Длинные столы под открытым небом для питания. Мисок нет, ложек нет. Приносят бачок первого на 20 человек и два бачка второго – каши. Должны съесть за определенное время. Потом команда: «Выходи строиться!» Приходят следующие. На помойке все собирают консервные банки, делают из них котелки. Кто прямо в пилотку наливает – жрать охота. Я познакомился с разведчиком Яшей, тоже после ранения. Мы решили, что это не по нам. Сделали подкоп под проволокой и пошли по огородам. Где картошки накопаем, где свеклы. Варили в котелках, сделанных из больших консервных банок. Приезжают покупатели: «Летчики! Танкисты! Артиллеристы!» Все шаг вперед, лишь бы вырваться оттуда, потом разберемся, что к чему. Нас с Яшей отобрали в пехоту и – на форсирование Днепра... Меня, как обстрелянного, назначили помкомвзвода. Командир взвода, лейтенант, говорит: «Я тебя в рожу запомню, а ты запомни рожу всех командиров отделений, а они пускай своих тоже запомнят, иначе мы друг друга не найдем». Раздали винтовки, автомат у меня и у командира взвода. Все оружие заржавевшее. Его собрали с поля боя и нам дали. Мой автомат стрелял одиночными. У лейтенанта – короткими очередями. Один из старичков говорит: «Подойди, не знаю, как из винтовки стрелять». – «Вот ты дожил до таких лет и не знаешь». Беру винтовку, дергаю затвор раз, раз – не открывается! Я попытался ногой – не получается... Вот с таким оружием мы форсировали Днепр.

Подожли к реке ночью. Тьма кромешная. Только ракеты немцы вешают. При их свете погрузились на понтон. Саперы ногами его оттолкнули: «Вперед, пехота, – на том берегу немцы». С юмором ребята.

Самолеты летают, ракеты вешают и бомбят Днепр. С берега обстреливают. Перед посадкой договорились с лейтенантом, чтобы ни одного выстрела с нашего понтона не было. Гребем тихо, пусть думают, что на понтоне все убиты или он просто плывет без людей. По другим понтонам открывают огонь, а по нам никто не стреляет. Переправились без потерь. Высадились на песчаном берегу. Берег обрывистый. Наверху – немцы. Мы у них под ногами,

можно бросать в нас камни, из рогатки стрелять. Начали окапываться, а там песок – лопату выбросишь, две насыпалось. Мы, как курицы, разгребли его чуть-чуть и зарылись. Нам сказали, что мы должны пойти в наступление и взять село, которое примерно в полукилометре. Говорим: «Давайте атаковать ночью. Если рассветет, они же нас расстреляют!» Приказ на наступление пришел, когда рассвело... Командир взвода на одной стороне цепи, я – на другой: «Справа, слева по одному короткими перебежками...» Все лежат – никто не хочет умирать. Мы с командиром бегаем с одного фланга на другой. Пока одного поднимешь, он побегит, к другому бежишь – поднимешь. Немцы заметили, что кто-то бежит, и, когда я залег, открыли по мне огонь из малокалиберного миномета. Яшка лежал рядом со мной на правом фланге. Мина взорвалась за мной – мне в задницу попал осколок. Я говорю: «Яшка, я поймал осколок в задницу. Пока терпимо». Потом разорвалась вторая мина – и под коленку второй осколок попал. Я кричу: «Лейтенант, меня ранило не тяжело, осколки в ногах сидят!» – «Сам выползешь?» – «Выползу». Сам думаю: «Опять меня первым ранило!» Пополз назад. Нашлась какая-то медсестра. Перевязала меня. Смотрю, идет Яшка, рука болтается. Ему осколком перебило нерв, кисть не работала. Говорит: «Ты только отполз, третья мина прямо на твое место угодила. Осколками ее меня и ранило». Подошли с ним к Днепру. Уже светло. Раненых сажают на лодки и отправляют на восточный берег. Немцы лупят по этим лодкам почему зря. Мы посмотрели на это дело и поняли, что надо что-то придумать. Тут какой-то старичок с маленькой хреновенькой лодочкой. Мы говорим: «Дед, перевези нас на тот берег». Мы легли на дно лодки, и он нас благополучно перевез. Нас положили в санбат. Далеко не эвакуировали – легкие ранения. Подлечились. Направили по разным дивизиям. Я попал уже в 303-ю Краснознаменную Верхнеднепровскую дивизию. В штабе я сказал, что разведчик: «Потом разберемся, сейчас надо форсировать Днепр». Провоевал немного в пехоте, и меня взяли в дивизионную разведку. Во взводе пешей разведки этой 303-й дивизии я провоевал до окончания войны. Командовал дивизией генерал-майор Федоровский Константин Степанович. Очень храбрый человек. Всегда ходил в бурке и папахе. Ему говорили: «Разве можно так ходить, наденьте полевую форму». – «Меня солдаты только так знают!»

Погиб он 28 декабря 1944 года. Мы попали в окружение из-за румынских соседей. Он пошел поднимать пехоту. Его, конечно, заметили и открыли огонь из миномета. Осколок попал в живот. Мы, разведчики, вытащили его сквозь кольцо окружения. Оставили в госпитале, но во время операции он умер. После него дивизию принял Панов Иван Дмитриевич.

Сначала я был командиром отделения, потом помкомвзвода, командиром взвода, помощником командира разведроты. Одно время даже был командиром роты, когда того ранило. В подчинении у меня были старшие лейтенанты, капитаны. В разведке вообще чины не почитались – только опыт и знания. Бывало, пришлют со школы молодого лейтенанта. Он теоретически все знает, а практически ничего не умеет. Вот такого назначают начальником поиска. Выползаем на нейтральную полосу, один из наших к нему подползет и говорит: «Знаешь что, лейтенант, сегодня на задании командовать будет вон тот сержант. Ты ползи где хочешь. Вернешься – доложишь командирам о выполнении задания, а мы умирать просто так не хотим». Тот, кто понимал, – свой парень. А тех, кто начинал ерепениться, приносили мертвыми. Законы были суровые.

По штату в дивизионной разведке положено иметь 120 человек пеших разведчиков и 40 человек в разведэскадроне. Но нас всегда не хватало. Пешие и конные смешались. Все пользовались ворованными конями. И мне выдали коня – сперли у казаков маленькую черную монгольскую лошадь. Они были выносливые, хорошо бегали. Я его звал Воронком. Он перепрыгивал через любое препятствие. Я его никогда не забуду. Он, смертельно раненный, вытащил меня из-под обстрела.

Обстреляли нас на открытой местности – не спрятаться. Пулеметная очередь попала ему в бок. Он сам развернулся, забежал за стог сена и упал. Умер на моих глазах. Таких коней у меня больше не было...

Действия разведки

В разведку брали только добровольно откуда угодно. Перед концом войны никто не шел в разведку. Катастрофически не хватало кадров. Брали из штрафных рот и батальонов. Штраф снимался, если идешь в разведку. И то шли только оторвы... Воевала в разведке молодежь. Мужики постарше или конюх, или ездовой, но тоже считался разведчик! У них желание выжить было больше...

Разведчики 303-й стрелковой дивизии

Основное задание у пеших разведчиков – это достать «языка» любой ценой, разведать оборону противника, его ближние тылы. Если связь прервана с соседями, значит, наладить связь с соседями. Очень часто нас использовали вместо пехоты.

В тыл ходили в пределах двадцати километров. В зависимости от обстановки, задачи можно было задержаться за линией фронта на несколько дней. Глубже ходили фронтовые разведчики в немецкой форме, в совершенстве знающие немецкий язык. Мы их только провозжали через линию фронта, они шли дальше, а мы возвращались.

– *Как часто ходили в поиски?*

– Положено после задания давать отдых. Но бывало и так, что нужен «язык», хоть убейся. Тогда ходили из ночи в ночь.

– *Как вы подбирали группу, которая пойдет на задание?*

– Прежде всего брал только добровольцев. Если задание ответственное, то чаще всего его давал командир дивизии, если не очень важное – то его заместители. Мне все рассказывали. Приходишь и объясняешь всем разведчикам, что от нас требуется. Решаешь сам, сколько нужно человек. Спрашиваешь, кто согласен идти на это задание. Потому что даже у храбрых, нормальных парней бывают моменты, когда появляется страх. У меня тоже были такие моменты: вот боюсь идти на это задание, и все! Оно не особенно ответственное, но какой-то внутренний голос, какое-то чувство... говорит: «Нельзя!» Нельзя брать на задание такого человека, потому что у него могут нервы не выдержать. Поэтому спрашиваешь: «Ребята, кто пойдет?» Если он руку не поднял, то, значит, сегодня не уверен в себе, его лучше не брать. Отбираешь, сколько тебе нужно, из тех, конечно, на кого больше надеешься. Я всегда так подбирал. Конечно, получалась группа, которая постоянно ходила на задание, и были те, кто сидел в тылу. Это естественно – чаще берешь тех, на кого надеешься. Но молодых, неопытных, тоже с собой брали в группу обеспечения. Им говорили: «Наблюдай, учись».

– *Сколько таких, как вы, кто подбирал себе группы, было в роте?*

– Были ребята. Сколько – сказать не могу, не считал.

– *Разделения на взводы не было? Была просто рота разведки?*

– Было формальное деление на взводы, на отделения, но в поиск набирались группа захвата и группа обеспечения. Если задание сложное, то могло быть две группы обеспечения. В группу захвата входило максимум пять человек, обычно три, иногда два, а то и один. Хотя это было строго запрещено. Задача у группы захвата – захватить пленного. При захвате, если подкрался сзади, обычно начинаешь душить на сгибе руки. Второй скручивает руки. Задача группы обеспечения – дать выйти группе захвата с пленным. Они вызывают огонь на себя, отвлекают внимание. Я обычно был в группе захвата.

– **Как группа захвата отходила с пленным?**

– По обстановке, иногда ползком, иногда бегом.

– **Бывало, что немца тыкали ножом, чтобы шустрее полз?**

– Никогда такой метод не применяли. По-хорошему. Просто на пальцах объясняли, что если сейчас с нами не пойдет, то будет застрелен, а в плену будет жить. После такого объяснения они чаще всего сами ползли. Даже рот им не затыкали. Если начинал сопротивляться, орать, то затыкали рот. Иногда приходилось морду набить, чтобы он очухался.

Как-то мы сделали засаду в немецком ближнем тылу на тропинке, по которой ходили сменяться пулеметчики. Прихватили одного – трое не могли с ним справиться. Мы уже и ноги ему прострелили, и руки – ничего не можем сделать, такой здоровый, гад. Кричит, чтобы по нему огонь открыли. Так его и не взяли – пристрелили и сами еле ноги унесли. А другой – руки поднял, и все.

– **Рукопашному бою учили?**

– Друг у друга учились. Специальных учителей не было. Я говорил, что нам из разведшкол присылали молодых командиров. Вот у них учились различным приемам. Они их хорошо знали, а в поиске пусть командует тот, кто знает все ходы и выходы. Тут вся надежда на опыт.

– **Один разведчик мне говорил, что даже летом носили ватники, потому что он может задержать мелкие осколки.**

– У нас такого не было. Попробуй летом поползть, да еще в ватнике?! Ты должен быть очень подвижен. Единственная тяжесть, которую можешь себе позволить, – это патроны. Их берешь с собой побольше в карманы. Никакого вещмешка, пайка и прочего. Одежда обычная, без погон, без наград и знаков отличия. Под конец войны переоделись во все немецкое – сапоги, маскхалаты... Только пилотка своя. Но как в тыл идем, надевали немецкую. К себе идем – надеваем свою.

У меня даже не было планшетки. Как-то вызывает командир дивизии:

– А где у тебя планшетка? Ты же разведчик!

– Она же мешает, зачем она мне?

– Где карты?

– За голенищем.

Карта всегда была с собой. Причем абсолютно чистая! На ней не было никаких отметок! Ни своих позиций, ни немецких. Если тебя возьмут в плен, немец не сможет понять, где наши позиции и что ты успел разведать.

– **Чем были вооружены?**

– Поначалу ПППШ. Они очень неудобные. Это дурацкий диск... Когда рожки пошли, мы уже пользовались немецким автоматом. Патронов больше? Патроны можно в карманы натолкать. Гранаты брали свои – они лучше. Немецкую, с длинной ручкой, кидать хорошо, но они долго не взрываются. Их можно ловить и кидать обратно. А нашу уже не поймашь, особенно противотанковую ударного действия. Тяжелая... В блиндаж кинешь – он наверх поднимается.

К тому же ПППШ отказывал. Мы брали высоту под Кировоградом. Встретился с немцем – щелк, а затвор заело. Хорошо, сосед его пристрелил. Второй раз в тылу немецкий обоз захватили. Я – на коне, а немец в меня с винтовки целился. Я в него из автомата стреляю – щелк тоже, и нет ничего... Но у него нервы не выдержали, он бросил винтовку и поднял руки. Если бы чуть-чуть замешкался, он бы меня пристрелил. А я автомат бросил и скорей за его винтовку схватился. Последнее время только немецкие автоматы были.

Стоят слева направо: Петр Кузнецов, Василий Стурин, Николай Беляев.
Сидят: командир взвода, Мстислав Иванов

Кроме того, я очень любил брать с собой немецкую винтовку, она очень точная, отличная. Автомат чего?!. На 50 метров немец убежал от тебя, ты в него уже не попадешь, а с винтовки – и на 500 метров не уйдет от меня. Встретились как-то в немецком тылу... А немец побежал, из автоматов стреляли, стреляли по нему – никто не может попасть, а я из винтовочки прицелился – раз и готово. А потом это трофейное оружие заткнул за седло, взял его на задание, не нужно – выбросил.

Пистолеты были у всех. Я всегда пользовался «вальтером» – он хорошо лежит в ладошке. «Парабеллум» не любил. С фронта привез семизарядный «вальтер». У него однорядный магазин, рукоятка тоньше, и он очень хорошо лежит в руке.

Ножи у нас тоже были немецкие.

Орден Славы 3-й степени

Орден Славы 3-й степени я получил как раз за высотку под Кировоградом. Она раз двадцать переходила из рук в руки. Два раза за одну ночь мы ее взяли и два раза сдали. Вот там единственный раз за всю войну я увидел медсестру, которая была непосредственно на передовой. В основном они блядовали с офицерами. Или находились в тылу, оказывая помощь, когда уже сам выползешь. А пишут: «Вынесла столько-то раненых». Как ты их вынесешь? Был у меня названный брат, разведчик, его тяжело ранило. Это было на западном берегу Буга. Получилось так, что вдалеке наступала цепь. Командование послало нас на конях выяснить, может, это наши наступают. Шел крупный снежок, за которым ничего не было видно. И мы с ним поскакали. У меня еще был трофейный красивый конь. Но такой... когда нужно быстро, он шагом идет. Когда нужно шагом, он быстро идет... Это были немцы. Они не стреляли – чего им стрелять, если мы к ним сами скачем?! Так, живьем можно взять. Когда мы поняли, что это немцы, развернулись и назад. Он-то хоть и опытный, а напрямую поскакал, а я нет, я по косой, чтобы было угловое смещение и труднее было попасть. Ему пуля вошла в зад и не вышла, застряла где-то внутри. И он рухнул с коня. Я к нему подскакал. Брат говорит: «Славка, не бросай меня» – и потерял сознание. Я его попытался тащить, но из сил выбился – тело без сознания тяжелое. Подняться в полный рост, на себя взвалить нельзя – сразу пристрелят. Я уже был готов его застрелить и себя застрелить. Хорошо, что три разведчика соседней дивизии отступали и заметили, что я с ним барахтаюсь. Они пришли, помогли мне. А немцы наступали прямо шеренгой в открытую, не стреляли, знали, что нас возьмут в плен. Куда же мы денемся?! А снарядов на плацдарме не было – разбомбили переправу. На ствол по два-три снаряда или мины оставалось. Тем не менее наши открыли огонь по немцам, дали нам выйти и вытащить раненого. Я к чему это говорю – хрен там вытацишь!

Когда мы заскочили на высотку, один немец бросил гранату через меня, она сзади взорвалась, и мне попал осколок в левую лопатку. Вот эта медсестра меня перевязывала. Положено – раз раненый, иди в госпиталь, но я не пошел, потому что мы эту высотку не до конца взяли. А кровь-то играет – столько сил потрачено, и не взяли. И я остался в строю. Высотку взяли. Я ушел в госпиталь. А потом сдали, и эта девушка осталась с ранеными и попала в плен. Судьбу ее я не знаю. За этот бой мне дали Славу 3-й степени.

– *У немцев какие-то сильные или слабые стороны были, которыми вы пользовались?*

– Пунктуальность и четкость – это их характер. Иногда мы на это рассчитывали. Учитывали, что при определенных ситуациях они поступят именно так. Была у них некоторая шаблонность в действиях. Если завалившийся ефрейтор остался живым, то подразделение боеспособно. Его убили – это толпа, уже не вояки. А у нас убей всех командиров, обязательно кто-то берет ответственность на себя: «Слушай мою команду!» И все – командование уже есть.

– *Первый немец, которого вы увидели, запомнился? Какие чувства испытали?*

– Вживую увидел противника на первом задании, когда меня ранило. Враг, которого нужно взять в плен...

– **Что такое «хороший разведчик», «посредственный разведчик»?**

– Хороший разведчик должен прежде всего обладать психологической устойчивостью. Главное, чтобы в очень сложные и ответственные моменты не бросился в панику. У меня такой ненормальный склад ума – чем опаснее, тем я спокойнее, тем лучше работают мозги. Чаще убивают неопытных, потому что они раньше бросаются в панику, их первыми замечают и убивают. И потом нужно привыкнуть к мысли, что в любой момент тебя могут убить. Свыкнуться с ней. Если ты думаешь, как бы выжить, ты уже ненадежен. Вот это и будет «посредственный разведчик». Он не трус, но на ответственное его не возьмешь.

– **Какие были суеверия у разведчиков?**

– У каждого свои.

– **Какое расположение у дивизионной разведки?**

– Самое разное. Иногда почти на передовой. Если в обороне, то подальше, где поспокойнее. Свой окоп, своя кухня. Мы были независимые от других и сами знали, где располагаться.

– **Трофеи брали?**

– Целые обозы захватывали в наступлении с продуктами, оружием. А в поиске не до этого было, лишь бы взять «языка». Тут не до трофеев.

– **Против вас были немцы, румыны и венгры. Как они вам как противник?**

– Венгры и немцы – настоящие воюки, с ними было трудно. А румыны... Против них проще было работать. Вот кого хорошо иметь врагами! Когда они враги, с ними можно сотрудничать. Стали вместе воевать. Если румынская дивизия соседняя – жди окружения. Как немец на них надавит, они драпают. Зимой 1944-го мы попали в окружение и потеряли комдива из-за них... Обувь у них кожаная, на завязках, бегать хорошо. Винтовки такие длинные, еще Петровских времен.

В Яско-Кишиневской вырвались вперед я, командир взвода лейтенант Легидов, кабардин, и еще три разведчика. Румыны сдавались с оружием без боя. Что с ними делать? На 50 человек посылали сопровождающим одного разведчика, чтобы их не перестреляли по дороге. Двоих послал. Нас трое осталось. А тут еще до хрена взяли в плен. Впереди деревня, в которой засели немцы. Тогда командир взвода говорит, вернее, показывает им на пальцах: «Если возьмете деревню, то вас в плен не берем, а отпускаем домой». Выстроили их в цепь, сами сзади, как заградотряд. Взяли эту деревню втроем, с помощью румын. Написали петицию и послали их без сопровождения.

Разжились трофеями – консервы, вино. Расположились на бруствере кюветика или окопа. Консервы жуем, вином запиваем. И наши «илы» летят. Вот, думаем, они сейчас им дадут! Они нас пролетели, потом развернулись – и как начали по нам... Мы только успели залезть в эту яму... Сплошное покрытие! Хорошо работали. Ну ничего, никого не ранило. Потом идем дальше – кто-то бежит впереди. Вроде на немцев не похоже, не по-немецки бегают. Подходим ближе. Их там стало уже человек пятнадцать. Ближе, ближе – не похоже на немцев, не то поведение. Потом как начали материться – свои! Самый простой пароль русских – матешки. Спрашиваем: «Вы откуда? Там же немец должен быть!» В общем, кое-как сообразили, что это разведчики дивизии другого фронта. Мы первые замкнули кольцо! Мы пошли своим докладывать, они – своим. Вечером эти разведчики, с которыми мы встретились, разыскали нас троих. Повезли нас к себе в гости на бронетранспортере. Как назад привезли, уже не помню...

– **Какая была рота по национальному составу?**

– В основном русские. Один казах, кабардин, отличный мужик... один цыган, посредственный разведчик, но играл на любых музыкальных инструментах.

– **Чем занимались в свободное время?**

– Его не так много было. Днем в основном спали, а ночью работали. Я на пузе больше прополз километров, чем ногами прошел. Песни не пели... анекдоты травили... про жизнь перед войной немножко рассказывали. Жили сегодняшним днем, планы на будущее я не строил. Потому что был уверен, что рано или поздно меня убьют.

Домой я старался не писать, потому что были случаи, когда разведчик напишет письмо, а тут задание. Его убьют, и не знаешь, посылать ли письмо родителям или нет. Пока оно дойдет, а его уже нет в живых... Поэтому я матери и не писал. Пусть привыкнет, что меня уже нет, лучше будет, когда я потом появлюсь. Хуже будет, если она будет думать, что я живой, а я уже мертвый. Она написала на имя командира роты Военкова письмо – что с моим сыном? Он не пишет, живой или нет. Она обмолвилась: «Трудно потерять мужа, да еще и сына...» Тогда я понял, что отец убит. Военков ей ответил и заставил меня написать письмо.

– ***Приходилось сталкиваться с немецкой разведкой?***

– Вначале мы немецкую разведку очень боялись. Они работали лучше. У них было больше опыта, обстрелянные. А под конец мы даже хотели с ними встретиться на нейтральной, потому что мы опытнее стали. И потом, когда две разведки воюют на нейтральной, никто по тебе не стреляет. Кто выходил из схваток победителем? Ну если я остался живой, значит, мы! Тут, конечно, уже не до захвата, тут уже кто кого уничтожит. Если была возможность, иногда приволакивали немецких раненых.

Это было ранней весной, в Венгрии. Еще были снежные куски, а так в основном все уже протаяло. С того задания мы пришли и долго не могли понять, как вернулись живые. Меня во главе группы из пяти человек послали в деревню разведать, есть ли там немцы или нет. Точно такое же задание получила эсэсовская разведка.

Их было две группы по шесть человек. Они шли, страхуя друг друга с другого конца деревни. Работали точно, по-немецки. А мы наобум. Естественно, мы об этом не знали. Подъехали к деревне, в домах начали опрашивать – есть немцы или нет. Нам говорят, что немцев нет. Мы пошли по улице на противоположную окраину. Слева деревня поднималась на холм, за ним был овраг, а в нем кустарник. Смотрим, в нашу сторону по гребню холма идет группа. Сначала один шел. Потом два. Потом еще два. Мы вышли на противоположную окраину. Осмотрелись. Дорога уходила дальше по ложине, между двух холмов на одном стояла эта деревня, а на другом рос виноградник. Там прямо в виноградниках были винные погребки. Возле такого погреба ходит человек в белом маскхалате с автоматом. Ясно – немец. Что делать? Решили пройти за теми, кто шел по гребню холма, посмотреть, кто это. Обогнули деревню. Оставили одного наблюдать за этим маячившим немцем, а сами вышли на тропинку и пошли в сторону, с которой приехали. На тропинке следы немецких сапог. Ну это ничего не значит – в них и наши, и венгры, и гражданские ходят. Через несколько шагов смотрю – отпечаток немецкого автомата на снегу. Немцы! Рассредоточились, пошли осторожно. Кто был впереди, я уже не помню... Он вдруг резко нагнулся, развернулся: «Прячьтесь! Немцы! Идут сюда, к нам. Впереди какой-то цивильный». Мы скатились в овраг, а там кустарник. Как только они поравнялись с нами, открыли по ним огонь. В общем, троих убили, а троих взяли живьем в плен. Этот парень, которого мы оставили, к нам прибежал. Начали подниматься на тропинку. Вдруг с дальнего расстояния по нам открыли огонь. Оказывается, страхующая группа оставила для блезира одного разведчика у погреба, а пять человек пошли за нами вслед, но не успели подойти достаточно близко, когда мы напали на

первую группу. Повезло! Поступи чуть-чуть по-другому, не сработала бы интуиция или сработала не так. И все... Они бы нас зажали. Причем мы от пленных, двое из которых хорошо говорили по-русски, узнали, что они нас первыми заметили и устроили нам засаду. Такие опытные разведчики, и так вот... Все складывалось так, что мы должны были в плену оказаться. С этого задания вернулись обалдевшие, как так?! Бог помог.

Орден Славы 2-й степени

Дело было в Словакии, на реке Грон. Зимой мы там стояли в обороне. Река не широкая, но с очень быстрым течением, поскольку стекает с гор. Мы ее Гроб прозвали – уж больно много разведчиков погибло. Незадолго до того у нас сменился командир роты. Дело было так. Разведчик, хороший парень, вернулся с задания. Выполнить его не получилось – это же не свинью украсть, а человека, который ждет, что его украдут, да еще и вооружен до зубов. Командир на него: «Знаешь, что невыполнение задания карается смертью?!» Вытащил пистолет и шлепнул его. А потом исчез, и присылают нам другого командира роты, Военкова. Мы не можем понять, куда тот-то девался. Вскоре всех офицеров дивизии и разведроту вызвали в одно место. Мы на коней и туда. Выстроились полукругом. Смотрим, ведут нашего командира. Приговор... «По изменнику Родины – огонь!» Почему он этого парня застрелил? Может, тот что-то знал про него... Но это уже догадки. Так вот, оборона проходила по реке. Она замерзла с берегов, а посередине, где стремнина, она не замерзала. Чтобы переправляться на тот берег, делали так. В первую ночь переправлялись с бечевкой, потом подтаскивали стальной трос и закрепляли его, но не натягивали. На следующую ночь на лодке по тросу перебирались на ту сторону. В середине декабря выпало мне плыть с бечевкой. В этом месте уже было несколько неудачных попыток переправить трос. Я начальнику разведки говорю: «Невозможно в этом месте трос переправить – сильное течение». – «Вы врете! Вы специально не переправляете трос, чтобы не идти на ту сторону!» Я пошел. Мне дали сапера.

Разделся до гимнастерки. Сапоги, галифе, граната, нож и пистолет за пазухой. Обязали веревкой – и я пополз по наледи. Около воды она провалилась, и я поплыл на ту сторону. Подплыл, а выбраться не могу – лед ломается, меня потащило. Меня тащило вдоль кромки льда, пока веревка не кончилась и не натянулась. Потянуло меня к нашему берегу и под лед... Хорошо, что сапер подбежал, пробил ногами лед, и я вынырнул. Кое-как вылез, мокрый, замерзший. Пришел в штаб. Начальник разведки: «Ты, твою мать, специально! Не выполнил задание!» Я начал возражать. Он – за пистолет. Думаю: «Сдуру шлепнет меня, как того парня». У меня пистолет за пазухой. Я его опередил и ухлопал. Пошел в деревню, где мы стояли. До нее километра три. Мне говорят: «Бери телогрейку. Тебе бежать надо». Я отмахнулся: «Не надо». Думаю, все равно мне кранты. Пришел в деревню весь обледеневший. Забрался на печку и уснул. Утром просыпаюсь, смотрю – в избе два автоматчика. Не будят меня. «Чего вы?» – «Командир дивизии Федоровский вызывает». Ну, понятно чего... Пришел. Командир на меня: «Ты чего же, твою мать, натворил?» – «А чего?! Вы тот случай помните? Он за пистолет схватился, и чего я буду ждать?» Он промолчал. «Иди. Скоро придет военный трибунал, будет тебя судить». Ну а чего там судить – расстреляют, и все. В штрафную из разведки не посылали – мы сами со штрафных набирали. Сняли с меня ремень, посадили. Сижу. Жду. А тут «языка» вот так нужно, а взять не могут. Комдив вызывает: «Слушай, давай ты мне «языка», а я тебе – жизнь. Я тебя из-под стражи освобождаю, бери кого хочешь, сколько хочешь, наблюдай сколько надо, но «языка» возьми. Соседи взять не могут, мы не можем. Выручай». Я пришел к своим. Ребята: «Ты чего?» – «Так и так. Кто со мной?» Многие, конечно, захотели, но я отобрал двух самых надежных. Один пойдет со

мною на захват, а один останется на лодке. У немцев оборона была построена так: там, где трос можно переправить, там оборона такая, что не пролезешь, а там, где пролезть можно, – там стремнина. Я решил переправиться там, где это возможно, потом по наледи под берегом проползти в то место, где оборона слабее, и проникнуть в тыл. Так же накануне трос переправили, а на вторую ночь пошли. Переправились, проползли по наледи, пробрались между ними и зашли в деревню. Пронаблюдали, где у них штаб, и решили ждать. Выходит офицер с портфелем и два автоматчика. Значит, важная персона. Тихо не возьмешь – автоматчиков два и нас двое. Мы открыли огонь. Автоматчиков прикончили и впопыхах ранили офицера в ногу. Офицер хороший попался. Мы ему пистолет под нос: «Будешь молчать – будешь жить, а не будешь – мы тебя пристрелим, портфель заберем и уйдем». – «Гут, гут, гут». Ну, с этим сговоримся – молчать будет! Мы забежали во двор и спрятались в стог сена. Тут кипиш! Крики! Стрельба! Минометный огонь по нейтральной полосе, потом огонь переносят к нашей обороне и следом посылают свою разведку, чтобы нас подобрать тепленькими. Мы переждали. А потом, когда кипиш прошел, я его на плечи и пополз... Три километра! Кое-как подобрался к речке. На лодку положили, переправились. Сил уже никаких не было. Еле-еле добрались. Доложил Федоровскому:

– Задание выполнено.

– Ты убит на этом задании.

– Как убит?! Я же живой?!

– Доложу, что тебя убило. Отбрешусь, что заставил тебя срочно взять «языка», а ты иди в свою роту, отдыхай.

Ивановых много на белом свете. Он меня вычеркнул из списка. И тут же, как вновь прибывшего, зачислил. Орден Славы 3-й степени он мне сумел восстановить, а Красную Звезду – нет. Вот за этого офицера меня наградили орденом Славы 2-й степени.

– **Немецкая разведка наших таскала?**

– А как же! Был случай на реке Трон. В немецкой разведке были и русские, и немцы, которые в совершенстве говорили по-русски, также матерились. У русских самый лучший пароль – это мат. Тебе дают пароль, когда идешь на задание, а если задержался, пароль поменяли. Ты возвращаешься, и начинают свои обстреливать. Единственное, что помогало, – это мат. Как начнешь его крыть, так сразу огонь прекращается.

Только в одном месте река полностью была замерзшая. В других местах были стремнинки, которые не давали льду встать. Наши и немцы хорошо охраняли этот участок. Там не проберешься. Так вот, однажды ночью с той стороны прибегают к пулеметчикам трое в белых халатах и на чистом русском языке говорят: «Наша разведка работает, и их сейчас отрезают. Срочно нужен пулемет на той стороне, чтобы обстрелять немцев и дать нашим выйти». Ну, ребята... господи... конечно, пулемет на себя – и туда. И все. Сами «языки» пришли...

– **Что немцы чаще применяют: разведку боем или поиски?**

– Разведка боем – это не разведка. Это просто задание вызвать огонь на себя. В такой разведке чаще использовали штрафников вместе с разведчиками. Мы очень часто с ними работали, прокладывали им путь. Помню, в ночь под новый, 1945 год мы обеспечивали им переправу через Грон. Там на соседей сильно давили танковые соединения, они могли не выдержать. Поступил приказ: сделать имитацию наступления, чтобы оттянуть танковые соединения. Нужно было ворваться в село, в котором мы тогда «языка» брали. Нам приказали обеспечить штрафной роте проход, уничтожить пулеметные гнезда, а когда они возьмут деревню, отойти. Мы пролезли. Уничтожили пулеметчиков. Подошли тихо. Зашли в деревню. Там идет стрельба трассирующими – празднуют. Вот тут хорошо помогли противотанковые гранаты. Открываешь дверь, они там празднуют. Бросаешь противотанковую гранату, а сам падаешь, и там уже никого нет. В нашей группе не было ни одного раненого!

Штрафники немцев из деревни выбили. Рация с нами была. Ждем. Приказа на отход нет. Командир нашей роты Военков затынул с отдачей – хотел меня на этом задании уничтожить. Приказ передали, когда рассвело и мы уже были на виду. При отходе у нас был один убитый и трое раненых. Из-за дурости начальства потеряли людей. Но так редко бывало. Потому я и полюбил разведку, что там сам думаешь, а не пьяный дядя за тебя.

– **Почему командир роты решил вас уничтожить?**

– Военкову было 35–40 лет. У него был свой портной, парикмахер, фаэтон, ездовой. Как барин жил. Начальство у него было куплено дорогими трофеями. На задания он не ходил. Как-то раз на этом Броне раздухарился и решил пойти в поиск. Я с ребятами договорился: «Плывем на лодке. Я на середине лодку переворачиваю. Вы выплываете, а его топлю». Он уже в лодку вступил, а потом передумал и на берег...

Письмо жителей с. Жоржовка матери Иванова М.Б.

А схлестнулись мы с ним из-за медсестры Нины. Я однажды полез к ней. Она говорит: «Я еще девушка». Я знал, что меня все равно убьют, и связывать свою судьбу с ней не собирався, но решил ее сохранить. Она приходила ко мне, мы спали вместе. Никто к ней не лез – с разведкой никто связываться не хотел. А командир роты положил на нее глаз. Вот он к ней все пытался пристроиться. Как я на задание, так он к ней, а она мне потом все рассказывает. Говорил, что все равно меня уничтожит.

И, несмотря на такое его отношение, однажды я его здорово выручил. Ему дали ответственное задание и приказали лично возглавить поиск. Он так и не пошел. Вместо него я пошел, а он сам доложил о выполнении. С тех пор начал звать меня «мой сынок».

– **Большие были потери в разведроме?**

– На этом Троне разведчиков потеряли много – тонули. Нам один раз дали задание переправить группу человек шесть фронтовых разведчиков на ту сторону. Пронаблюдали. Участок, на котором можно переправиться, ограниченный. Подготовили большую лодку, закрепили за корму трос, чтобы было ограничение. Четыре дивизионных разведчика, в том числе и я, сели на весла. Была ранняя весна. Шли куски льда со снегом. Нас начало сносить. Трос натянулся, лодка затормозила, и волна перехлестнула через борт. Мы четверо выплыли. Мой друг, Лешка Голошихин, хороший разведчик, но плавать не умел. Ему здорово помогло, что дерево подмыло и оно упало в речку, он и уцепился за ветки. Я его потом вытащил из этих веток и помог выбраться на берег. А у фронтовых разведчиков утонуло трое. А за каждого погибшего разведчика отчитывались перед штабом армии...

У нас хороший парень был, татарин. Переправлялись в лодке по тросу. Она перевернулась. Он выбрался на немецкий берег, а мы выплыли на наш. Он решил перебраться обратно, пристегнувшись ремнем к тросу. Его течением завертело. То голова появится, то ноги. Он кричал: «Пристрелите меня!» На следующую ночь, когда поплыли на тот берег, его тело не могли от троса отстегнуть, так его закрутило. Пришлось ремень отрезать...

Стоят справа налево: татарин, утонувший на реке Грон, Петр Кузнецов, Мстислав Иванов, 1-й неизвестный, 2-й неизвестный, Василий Сгурин.

Сидят: командир взвода, командир взвода Кузнецов Иван Иванович, командир роты Военков

– **Как относились к своим потерям?**

– Как можно относиться?! Тем более если ты с ним много провоевал, то это уже твой кровный друг, а его убивают на твоих глазах... Каждый раз это тяжело переживалось, и с каждым разом становишься злее...

Был закон: своих, даже мертвых, вытаскивать. Конечно, по возможности. Бывало так, что не могли этого сделать. На самом деле нет гарантии, что разведчик не убит, а тяжело ранен и просто без сознания. Попадет такой раненый к немцам, его выводят, и это «язык». А разведчик знает очень много. Он знает и правого, и левого соседа, знает всю обстановку, какое вооружение в дивизии, – как все равно штабной офицер. Самые ценные «языки» – это штабные офицеры и разведчики.

– **Были заведомо невыполнимые задания?**

– Были, конечно. Очень часто возвращались ни с чем... Даже своих потерял, а ничего не сделал толком. Были такие задания, которые в сложившейся обстановке невозможно выполнить, но все равно заставляли идти, мы теряли людей.

– **Специально не пользовали три О: обнаружили, обстреляли, отошли?**

– Не знаю... Был у нас в роте замполит. Конечно, на задания не ходил – занимался политическим воспитанием. Мы не можем взять «языка», и все! Он говорит: «Вы вылезаете на нейтральную и там спите, потом возвращаетесь и говорите, что нельзя взять». А все потому, что у меня были очень маленькие потери. Поэтому со мной ребята любили ходить на задания. Ведь прежде всего надо думать и не кидаться в панику. Я выработал такую методику. Если нас обнаружили на нейтральной, то немцы начинают нас огнем отсекать от своих позиций, а потом переносят огонь ближе к нашим траншеям. Посылают свою разведку, чтобы подобрать выживших. Когда нас обнаруживают, я ползу не к своим, а к немецким окопам. Потом они огонь переносят, и мы вместе с этим огнем отходим назад. Они посылают разведку, а мы уже ушли и все целы и невредимы. И вот с нами направили этого замполита, чтобы он проверил, как мы работаем. Он полз сзади. Я сказал ребятам: «Специально обнаружьте себя, и применим нашу методику». Когда открыли огонь по нейтральной полосе, мы-то уползли к их окопам, а он пополз к нашим. Как он оттуда выполз живой и не раненый, не знаю, повезло ему. Пришел в штаб и рассказал, что был последний, кое-как выполз, а разведчики все там остались, всех там перебило, ни один не вышел. Потом мы приходим – все целы!

– **Сколько у вас «языков»?**

– Не считал.

– **Офицеров часто захватывали?**

– Не часто, но приходилось.

– **Как складывались отношения с полковой разведкой?**

– Мы общались не часто. Разные были задания: у них передовая, а у нас – передовая и ближние тылы.

– **Как вы получили орден Славы 1-й степени?**

– Весной разведроту пришлось брать высоту где-то в Венгрии. Немец очень здорово ее держал. Гребень высоты шел по опушке леса, склон был покрыт прошлогодней травой. Три полка дивизии не могли взять эту высоту. Потери были большие. Новый командир дивизии полковник Панов, видно, разведку не любил. Приказал разведроту брать высоту. Нас к тому времени оставалось человек сорок действующих разведчиков, ну и немного прихлебателей – повара, ездовые, ППЖ. Мы говорим: «Давайте ночью». – «Нет, днем! Я хочу видеть, как работает разведка, а то вы спите на нейтральной и ни хрена не делаете». Приказ есть приказ. Идиот, что же с ним делать. Думаем, что же делать. Трава была высокая. Я предложил

рассыпаться в цепь на расстоянии метров десять друг от друга и ползти со всеми предосторожностями, чтобы нас не заметили. Как только нас заметят и откроют огонь, мгновенно все встаем, сплошной автоматный огонь – и броском в траншею. Может, кто-то прорвется. Иначе как возьмешь?!

Я уже говорил, что под конец войны в разведку из пехоты никто не шел. В пехоте ранят, а у нас все равно убьют. Набирали добровольно со штрафных рот. Молодежь шла: и летчики, и танкисты. Один парень-летчик из-за чего попал в штрафную? Возвращался на истребителе с задания. Чкалов под мостом пролетел? А он решил пролететь между столбами под проводами. Не рассчитал и одной плоскостью зацепился за столб, разбил самолет. Его в штрафную. Моряк был... Кого только не было.

Один был уже три раза в штрафной. Мы с ним сдружились. Дал он мне листочек, на котором была написана молитва. Говорит: «На, перепиши и носи с собой, я три раза был в штрафной и остался живым». Я не успел ее переписать, мы пошли. Он был рядом со мной, когда мы поднялись. Ему – первая пуля в лоб. Я этот листочек сохранил и остался жив. Может, это совпадение, не знаю. Но вдруг это помогло... Так его и носил до конца... В общем, мы поднялись. Автоматный огонь, заскочили в траншею, заняли небольшой кусочек и все-таки выбили немцев. Зам командира роты старший лейтенант выглядывал из-за кустика. Я говорю: «Тут снайпера, не выглядывай». Он только выглянул. Ему шлеп пуля в лоб, и готов. Я принял команду на себя. Связисты протянули к нам связь. Доложил обстановку. Потеряли мы четыре человека убитыми и шесть ранеными. Нам сказали держаться до ночи. Ночью подойдет пехота. Только, говорят, уходите по одному. А то они за вами тоже убегут. Продержались, только я потерял пилотку, пока бегал. Мы ушли по одному. Нам приказ – идите, отдыхайте. Притащили бочку вина, расслабляемся. Довольные, что все-таки разведка взяла высоту. На следующее утро меня чуть свет будят: «Срочно к командиру дивизии!» Он матерится на чем свет стоит: «Пехота опять сдала высоту. Собирай разведчиков!» Набрали двадцать действующих разведчиков. «Надо брать опять высоту». – «Ночью?» – «Нет, днем! Можете задействовать любое усиление. Думайте сами, но высоту должны взять!» Раз их обманули, второй раз этот вариант не пройдет. Я решил сделать двухчасовую артподготовку с РСами по опушке леса. Чтобы дезориентировать пунктуальных немцев, начали артподготовку в 14.00, а закончили точно в 15.53. Немцы же привыкли, что подготовка длится ровное количество минут: 30, 40, час, а тут мы отступили от шаблона. Артподготовка очень действует на психику. Когда она прекращается, нужно еще время, чтобы прийти в себя, очухаться. Мы хотели это время использовать. Я сказал: «Рассредоточимся, будем ползти, пока наши осколки не будут долетать до нас, и замрем. Как только артподготовка прекратится, мгновенно все встаем и бежим без единого выстрела». У всех часы. Сверились. Когда мы подбежали к немецким окопам, они еще лежали на дне. Мы их просто расстреливали. У нас не было ни одного раненого! Правда, один из наших кинул гранату, она ударилась о дерево, отскочила, и осколки своей же гранаты его зацепили... Немцы озверели. Мы выдержали больше 20 атак! Патроны давно закончились. Собирали оружие и патроны у немцев и ими отбивались. Морячок и летчик – с винтовками, автоматов нет, патронов нет. Один заряжает, а другой стреляет. Говорят: «Мы как при Петре Первом при Полтавской битве». Связь протянули. Приказ: «После того как ночью придет пехота, проникнуть в немецкий тыл и наделать шуму». Там недалеко было село. Мы в него вошли, рассредоточились и открыли стрельбу.

Гранаты кидали. Навели им панику, и они оттуда сорвались. За этот бой меня представили к ордену Славы 1-й степени. Комдив хотел мне дать Героя, но ему сказали, что у меня уже две Славы есть.

Прошли Молдавию, Румынию, Венгрию, Австрию чуть-чуть зацепили, а закончили войну в Чехословакии. Война окончилась 9 мая, 11 мая подо мной убило коня.

После 9-го двигались колонной. Меня и Ваську Стурина на конях на всякий случай послали вперед. Там была засада. То ли власовцев, то ли эсэсовцев. Дураки, нервы не выдержали. Подпустили бы нас поближе и расстреляли бы в упор, а они с дальнего расстояния открыли по нам огонь. Моего коня наповал. Он упал и мне сломал ступню. Я сумел отбежать с дороги в кювет. Залегли. Видим, к нам по этой канаве ползут два гражданских парня. Мы стрелять не стали. Понятно, что это мирные жители. Я им показал, что у меня лапа сломана, кость за кость заскочила. Они побежали, приволокли носилки и вытащили меня. В полуподвальном помещении работает пожилой военврач в военной словацкой форме. Вокруг бегают медсестры. Наши-то ходили в рейтузах, а эти в таких плавочках. Лежу на носилках – мне все видно, так приятно стало. Ваську поставил на выход. С меня пот градом. Он берет пальцы и ставит их на место. Я молчу, хотя боль страшная. Говорит медсестре: «Бинтуй! Потом гипс». – «Нет, гипс не надо». Чувствую, он их не вытянул. Кричу: «Васька, иди сюда! Разматывай бинт». Сел на носилки, ногу вытянул, каждую косточку прощупал, поставил на место: «Теперь бинтуй туго. А теперь можно гипс». Врач только головой помотал. Через год уже сальто прыгал...

– *Тогда слышали про ленд-лиз? Чем пользовались?*

– Как же! Американская тушенка – такой продукт! Запомнился еще немецкий хлеб в упаковке... Ну, конечно, «Студебеккеры» и «Виллисы». Наша автотехника была хреновой... Правда, под Уманью весной 1944 года вся техника застряла – и наша, и американская. Там вообще не было дорог. Обмундирование у пехоты еще зимнее, валенки, а жидкой грязи по пояс... Вся дорога была в немецкой технике. Артиллерию перевели на цоб-цобе – упряжки из быков. Вот эти пройдут по любой грязи!

– *Какое отношение было к женщинам на фронте?*

– В основном это ППЖ. У них очень много было медалей «За боевые заслуги». Мы их называли «За половые потуги». К нам в разведку тоже присылали медсестер, чтобы они с нами ходили. Что, мы их возьмем?! Это же обуза! Их никто никогда не брал. Чаще всего становились ППЖ командира роты.

– *Самострелы были?*

– Были. Не в разведке, конечно. Вот на Курской дуге, когда эшелон с узбеками пришел... Рассвело, один ногу поднимает, чтобы его ранило. А лейтенант, командир взвода, сзади лежал. Взял палку и по ноге его палкой – раз! Он: «Вай, вай, командир, ранило!» Тут многие даже расхохотались. Лейтенант достал пистолет и шлепнул его. Много было и показательных расстрелов перед строем.

– *Как мылись, стирались на фронте?*

– Как придется. В наступлении почти месяцами не снимали сапоги, даже ноги начинали гнить. Вши вообще заедали. Особенно когда еще по своей территории шли. Воротники невозможно было застегнуть – такое раздражение. Когда поспокойнее, в тылы отводили, там устраивали палаточные бани. В бочках прожаривали белье. Когда перешли границу, изобрели метод избавления от вшей. Заходишь в дом. Берешь свежее белье: простыни, наволочки – любое, заталкиваешь за пазуху. Все вши почему-то сразу лезут на свежее белье. До следующего пункта дошел, белье выбросил, следующее напихал за пазуху. Санбат был весь завшивлен. Там доктор, майор, еврей, говорит: «Напишу научный труд о всех разновидностях вшей: какие больше кусают, какие меньше кусают».

– Как было с питанием?

– Мы в основном на самообеспечении. То свинью где-нибудь сопрем, то еще что-нибудь. У нас в разведке был свой повар, своя кухня была. Так что мы в отношении питания – ничего, жили за счет трофеев. Водку давали. Перед заданием давали с собой спирт – мало ли, что там случится. Я никогда не брал – лишний груз, лучше взять патронов. Перед заданием никто не пил. Я почти не курил, но курить мог. Человек некурящий – это особая примета; если ты не курящий, то должен уметь курить на всякий случай. Даже на спор выкуривал трофейную сигару, не кашляя.

– Какое отношение к немцам?

– Нормальные ребята. А вот эсэсовцы – настоящие фашисты, страшные. А так возьмешь в плен, он работяга был, его мобилизовали, а так нормальный человек. А если «язык» раненый и свои тоже есть раненые, то его прямо оберегаешь, как красну девицу, лишь бы его живым приволочь. Свой-то ладно, сам доползет.

Но на зло всегда отвечаешь злом. В Корсунь-Шевченковской операции заняли село. Бабы плачут. В чем дело? У всех грудных детей отобрали и побросали в колодец. Я сам вытаскивал трупы. Лошадей всех постреляли. Технику всю вывели из строя. Чуть позже мы корректировали огонь РСов. С дороги-то не разбежишься – снег. Много там их положили, с удовольствием уничтожали. Когда я получил письмо от матери, что убили отца, то тоже страшная злость назрела. Стал зверем. Хотя человеческие поступки со звериными нельзя сравнивать, потому что они значительно хуже. Те убивают ради пищи, а тут – убийство ради убийства.

– Как относились к тыловой братии?

– Конечно, с пренебрежением. Мы со штабистами, которым сдавали «языков», в основном это младший офицерский состав, были в дружеских отношениях. Но был такой случай. Обычно «языка» в штаб дивизии сопровождают два разведчика. Они потом уже рассказывали: «Приводим в штаб немца. Какой-то молокосос выскакивает и начинает выкобениваться перед этим немцем. По щекам его лупит, проявляет свое «геройство». Мы посмотрели, посмотрели и отметили его на глазах всего штаба. Он остался лежать, а немца другому сдали». Такой разговор со штабными мне пересказывали: «Видите, сколько у нас у всех орденов, а немцев мы видели только пленных, с живыми не встречались». Ребята спрашивают: «Как вам это удалось?» – «Очень просто. Ваши подвиги – наши фамилии».

– Приходилось сталкиваться с особистами?

– Знали, что тихушников полно... Сидим как-то в своем ближнем тылу. Только вернулись с задания. Ночь. Развели костерик, болтаем, греемся. Смотрим, один солдат ходит чего-то вокруг. Но мы-то уже знали их повадки. И вот давай травить: «Надоела эта разведка! Завтра уйдем на задание и перейдем к немцам, там и кормят лучше, и жить дольше будем». Видим, он смотался – сейчас приведет офицера. Точно! Офицер пришел, посмотрел: «Ну вот еще одного дурака обманули!»

Был у нас случай, который разбирали особисты. Командиром взвода у нас был Кузнецов Иван Иванович – отличный мужик. Стояли мы недалеко от передовой. Из соседней дивизии приехал к нему командир взвода разведки с двумя разведчиками. Он пошел в хату с Иваном Ивановичем, беседовали вдвоем. Разведчики остались снаружи. Вдруг из хаты этот командир взвода выскакивает, в руке автомат. Бежит. Мы смотрим – чего он бежит?! За ним с пистолетом выскакивает Иван Иванович: «Ах ты предатель! Подлюка!» Тот оборачивается – и автоматную очередь ему под ноги. Пуля рикошетом попадает Ивану Ивановичу в голову. Я этого взводного догнал... Сначала бил прикладом немецкого автомата так, что он согнулся, потом дострелил его. А это почти на передовой, немцы нас видят, но не стреляют. Видать, им интересно: как мы друг друга перестреляем. Два разведчика, что с ним были, забежали в огромную лужу и стоят. Мы им говорим: «Идите сюда. Мы вас не тронем». Они отказыва-

ются. Потом и их из автоматов постреляли... Уже были все обозленные: как же так, такого парня... настоящего разведчика убили... Эти двое ни за что погибли... Потом командование выясняло, в чем дело. Я все рассказал. И из их дивизии приезжали, сказали: «Правильно сделали»... И все. Ивана Ивановича довели до госпиталя, во время операции он умер.

– ***С власовцами приходилось сталкиваться?***

– Да. В Моравии... Кричали нам: «Русские, сдавайтесь!» Когда захватывали таких в плен, мы их не доводили – всех расстреливали. Потому что если он раз предал, то предаст и второй раз.

– ***Когда был последний поиск?***

– Не припомню.

– ***Как складывались отношения с местным населением?***

– Начнем с Молдавии. Там очень хорошо принимали. У девок плетеная бутылка под мышкой и кружка. Выходит и всех угощает. Румыны тоже хорошо встречали. Бросались в глаза роскошь и нищета. С одной стороны, прямо-таки царские виллы. И тут же нищий железнодорожник на государственной службе, оборванный, в лаптях, одна форменная фуражка на голове. Венгры хорошо жили. К нам относились настороженно, но без агрессии. В Словакии нас встречали, как родных. Там же мы работали с партизанами – ребята были отличные, надежные.

– ***Случаи изнасилования были?***

– Были, но не у нас. Я строго-настрого запретил. Если кто-то договорится – пожалуйста, но без насилия.

– ***Для вас война – это самый значимый эпизод?***

– Самый значимый, конечно. Такого морального удовлетворения от выполнения задания и возвращения живым на гражданке я не испытывал.

– ***Связанные с этим убийства воспринимались как часть работы?***

– Да. Уже привык к этому.

– ***Первого убитого немца помните?***

– Нет. В бою убиваешь, черт его знает какой первый...

– ***Некоторые люди не смогли закрепиться в разведке, потому что не могли работать ножом.***

– Нет, у меня с этим проблем не было. Я знал: если не ты, то тебя. Это момент работы.

– ***Есть такая поговорка: на фронте безбожников нет. Верили в Бога?***

– Суеверие или вера... молящихся не видел. Верил в сверхъестественное, не понятное человечеству, но не в таком виде, как преподносит религия.

– ***В какое время года труднее всего воевать?***

– В любое время года плохо. Очень плохо, когда луна. Мы эту предательницу луну ненавидели. Особенно зимой на снегу видны тени. Никакой маскхалат тебя не скроет – ползешь, и видно, как твоя тень ползет. Летом – то еще ничего... Зимой страшно ползти, наст хрустит, и тихо не помогает ползти, и еще луна светит.

– ***Какой для вас самый страшный эпизод?***

– Все они... Конечно, была большая неуверенность в победе, когда брали днем высоту. Можно было рассчитывать только на хитрость. Атак – верная смерть. Вот пехота отступает. Отправляют разведчиков остановить. Я обычно ложился за станковый пулемет. Я не представляю, как можно убежать, когда у тебя в руках такое оружие?! А вот психологически люди не выдерживают – убегают...

– ***Посылки посылали?***

– Ка-ки-е посылки?! У нас ничего и не было. Даже мысли не было, чтобы что-то послать.

– ***Не было желания вернуться обратно на войну, когда вернулись к мирной жизни?***

– Конечно, нет. Удовольствие не из приятных. С надежными ребятами, товарищами хотелось, конечно, и работать, и жить. Такое братство было...

– *Продолжить служить не хотелось?*

– Нет. Не люблю дуракам подчиняться. Жополизов терпеть не могу. Очень много быстро продвигающихся – в первую очередь жополизы. Это не моя стезя. Почему и в разведку пошел – тут сам за себя в основном отвечаешь... Так, иногда начальство вмешивается, посылая на невыполнимые задания. А пехота?! Вперед, и все.

На фронте я командовал за офицеров. Окончил войну в звании старшины. Очень боялся: если присвоят звание офицера, то после войны задержат с демобилизацией.

– *Под конец войны не захотелось выжить?*

– Я уже говорил и еще раз повторю: был уверен, что рано или поздно меня убьют. Просто старался продать свою жизнь как можно дороже. Почему-то никогда не боялся смерти. Считал это естественным. Сколько было моментов и потом, когда в геологии работал... Философски к ней отношусь.

Мстислав Иванов

Но, конечно, хотелось бы приехать домой. У меня осталась одна мать. 11 мая под мной убило коня. Пять месяцев пролежал с ногой в госпитале в Братиславе. Оттуда уже меня демобилизовали. Попал во вторую очередь демобилизации по количеству ранений. Вот по дороге домой, пока добирался, тут очень хотел выжить. Потому что у возвращавшихся была инерция убийства – за малейший поступок стреляли друг друга. Большинство ехало с оружием. И у меня за голенищем в разобранном виде был «вальтер». В вагоне ко мне привязался один и здорово меня оскорбил. В другой бы момент довел дело до конца, но здесь старался ни с кем не конфликтовать. Попутчики мои, с которыми уже не первый день ехали и которые знали, кто я и что я, вывели его в тамбур и бросили под поезд. 7 ноября приехал домой, в Ката-курган.

Переход к мирной жизни давался очень трудно. Меня многие криминальные группировки хотели приобрести, потому что я умел воровать и убивать. Как раз то, что надо. Очень агитировали в преступный мир. Но не пошел по скользкой дорожке. Что удержало? Не хотел своих убивать и грабить. Я привык к настоящему противнику, который может оказать сопротивление. И потом, хотел учиться. В декабре поехал в Самарканд. С детства мое хобби – животные. До войны подал в Ленинградский охотоведческий институт. Мне пришел ответ, что по окончании войны примут без экзаменов. У меня осталась эта бумажка. Но после войны на какие шиши я туда поеду? Приехал голый, без всяких трофеев – демобилизовался-то из госпиталя. Если бы из роты, то и одели бы нормально, и трофеи были. Мы вырывались в Венгрии в города, где все ювелирные магазины были открыты, ничего не успели спрятать. У всех были полные карманы часов, браслетов. Правда, трофейщиков, тех, кто набирал, убивало в первую очередь. Он думает об этих трофеях, значит, ему хочется выжить. Это губит. Я сдавал в обоз. Нинке я подарил бриллиантовый браслет с миниатюрными часиками. Она ко мне в госпиталь приезжала. Говорит: «Возьми с собой, тебе пригодится». – Я отказался: «Нет, это мой подарок».

Я поехал в Самарканд. Пошел в университет на биофак. Там не было ни одного парня, одни девки. Решил, что в таком коллективе не смогу ужиться. Пошел в Узбекский государственный университет на геологический факультет. Там был декан Крюков. Он говорит: «Зачем год терять?! Поступай в этом году». – «Я по-русски говорить уже разучился, кроме

мата, ничего не знаю». – «Ничего, сделаем тебе формально экзамены». Я рискнул. В декабре поступил в университет.

У меня была одна гимнастерка, одни штаны и трофейные сапоги, которые я постоянно ремонтировал. Я любил спорт еще со школы. В университете начал заниматься акробатикой. Нам выдавали форму. Мы ее продали на базаре. На вырученные деньги приобрел ботинки, штаны. Голодуха была страшная! Из госпиталя я приехал отожравшийся. За год учебы потерял 16 килограммов.

– ***Когда начали носить ордена?***

– Сначала носили, а потом перестали. Когда я приехал, у меня был орден Отечественной войны. И две Славы, 2-й и 3-й степени. Вскоре получил 1-й степень. А два ордена Красной Звезды вручили на 20-летие Дня Победы. Ордена стал носить только на праздники, когда не стало Хрущева.

– ***Учитывая вашу военную специфику, насколько вы были агрессивны, вступали в стычки?***

– Агрессии, как таковой, у меня не было, у меня пожизненное кредо – не задираться первым. Конечно, выступал за справедливость. Крюкова, как репрессированного, сняли с должности декана. Ходил к ректору университета, качать права. Меня тоже могли причислить к политической статье, тем более отец сидел по политической статье.

– ***Война снилась?***

– Конечно. Сейчас война уже не снится.

Кобец Иван Лукич

В 1939 году, буквально через три месяца после того, как я окончил педагогическое училище и начал работать школьным учителем, меня призвали и послали в Пуховическое пехотное училище, располагавшееся под Минском. В училище было три батальона: один батальон состоял из курсантов Ленинградского Краснознаменного училища им. Кирова, которые семь месяцев уже проучились, второй состоял из военнослужащих, прослуживших в войсках год-полтора сержантами, и третий – мы, гражданские. Учиться было очень тяжело. Мы занимались каждый день без отдыха часов по двенадцать и за полтора года прошли трехгодичную программу! Обучали нас прежде всего тактике – наступлению, обороне, как располагаться, как стрелять, рыть окоп. Изучали технику – артиллерию, танки, минометы. Тяжело было... Тогда же все пешком! Несешь винтовку, а еще и пулемет Дегтярева или диски к нему – в училище лошадь положена была только командиру батальона.

В мае месяце 1941-го училище перевели из-под Минска в Великий Устюг, где 19 июня у нас был выпуск. Все в отпуск хотели, но начальство сказало, что мы его получим по прибытии в часть назначения.

Мне присвоили звание лейтенанта и направили в Заполярье. В поезде, за полчаса до Ленинграда, нам объявили, что началась война. Остановились. Перед нами выступил капитан, который сказал: «Эта война будет серьезной. Тут уж – кто кого победит». Так и сказал, а не как нас учили – малой кровью на чужой территории. Потом приехали в Кандалакшу, и нас сразу повезли на границу, где мы влились в состав 596-го стрелкового полка. Выдали мне противогаз, пистолет, каску. Вот так для меня началась война.

Немцы на нашем направлении пытались прорваться, но их отбивали, потому что дивизия за сутки до начала боевых действий была выдвинута к границе. Перешли они в наступление 1 июля, и наша 122-я дивизия 7 дней держала на границе немецкий 36-й АК. Потом мы отступили к подготовленному рубежу обороны Кайрала, где уже стояла 104-я дивизия. Надо сказать, что в то время существовала только полковая разведка, а в батальоне разведки не было. Поскольку постоянно изменяющиеся условия требовали потока разведданных, то командир батальона поручил мне сформировать взвод охотников. Я его создал и с ним воевал до зимы 1942-го.

Разведка – это очень тяжелая работа. Нас же никто специально не готовил! Вот был такой случай в первые дни войны. Немцы стали обходить нас с правого фланга. Командир батальона поставил нам задачу выйти на дорогу и пронаблюдать за перемещением немцев. Подобрались мы и сутки лежали в болоте, наблюдая за дорогой. А там мошкара, комары! Не то что смотреть – дышать было невозможно! Все кровью залились. Когда начали возвращаться, я увидел, что немцы строят обходной путь от дороги на Куалоярве в наш правый фланг, с тем чтобы вывести его к господствующей высоте. Когда переходили передний край, пришлось идти через открытую поляну, и я интуитивно понял, что немцы нас заметили и попытаются остановить. И точно! Смотрю, прямо на нас лось бежит! Ага! Значит, кто-то его спугнул. Я приказал остановиться и замаскироваться. Только мы устроились, смотрю, группа немцев спускается с высоты. Почему-то лучше всего я запомнил кокарды на их фуражках. Подпустили их, забросали гранатами и из автоматов добились. Пришли мы в свое расположение, доложили командиру полка о намерениях немцев закрепиться на высоте. К сожалению, нашей информации значения никто не придал. Немцы же закрепились, и обо-

роняться нам стало невозможно, поскольку с высоты они просматривали расположение и тылы нашего 596-го полка. Командир видит, что дело плохо и надо немцев сбить. Да куда уж там – только людей положили. А тогда можно было и ротой эту высоту удерживать. Обидно было, что не прислушались к нам.

– **Как часто ходили на разведку?**

– Первые месяцы, начиная с июня и по ноябрь, ходили каждые 2–3 дня. А потом, когда фронт встал, ходить стало очень тяжело – проволочные заграждения, минные поля, пристрелянные реперы. Поэтому, чтобы пойти, нужно было очень серьезно готовиться – изучить объект, местность, подступы. И все равно брать «языка» на переднем крае было очень трудно. Легче было в тылу и на флангах, где фронт прикрывался опорными пунктами и патрулями. Там можно было устроить засаду на дорогах, на лыжне. Вот в это время ходили примерно 1–2 раза в месяц.

– **Вы старались одеваться так, чтобы не отличаться от солдат?**

– Летом 1941-го я оплошность допустил. Пошли в разведку человек двенадцать. Во-первых, заранее не выбрали объект. Во-вторых, я и помкомвзвода в офицерских шинелях, и мало того – поверх еще и ремень с металлической яркой звездочкой! Боевое охранение прошли. Ничего не видно. Личный состав лежит, а помкомвзвода говорит: «Давай немного проползем». Проползли. Я привстал на одно колено и показываю ему что-то рукой, и только – «вжжжик!» – и я упал. Пуля прошла ниже колена между берцовыми костями. Оказывается, немец сидел в окопе метрах в 15–20 и специально стрелял, чтобы ранить и захватить в плен, поскольку он видел, что я офицер. Не дает вытащить! А сам я двинуться не могу. Ну, мне веревку кинули и вытащили. А если бы я не был в офицерской шинели, так, может, и убил бы. Вот такой был случай. А потом уже одинаково одевались, солдата от командира не отличишь. Надо сказать, что на переднем крае одевали нас очень хорошо: теплое белье, ватные штаны, полушубки. Правда, с обувью были проблемы – она быстро изнашивалась на камнях. Что касается камуфлированной одежды, то ее у нас не было. Впрочем, как и у немцев.

– **Чем вас кормили?**

– В основном это каша. Были различные консервы: сначала наши, в основном рыбные, а затем и ленд-лизовские, мясные. В обед давали суп, кашу с консервами и чай или компот. Когда в разведку ходил, брали сухой паек – сухари, консервы, колбасы, сахар, масло. Шоколада не было. Спирт давали, но только непосредственным участникам боев, каждый день 100 грамм. Потом были спиртовки – смесь стеарина и спирта, так вот спирт отжимали. Но в разведку я никогда водку не брал. Во-первых, с запасом надо брать, а выдавали-то только в этот же день вечером. Потом, если взять с запасом, его тут же выпьют, а пьяный будет либо ранен, либо убит, это без вопросов. У меня мой друг так погиб, Макаров Николай Александрович. Он был на НП, когда его разведчики были в поиске. Что-то он там выпил, стал смелый, и они уже тащили пленного, а он пошел им навстречу. Зимой, без маскхалата! Ну и немцы, конечно, его убили. Может, если лишнего не выпил бы, и жив остался. Никогда перед боем не пили! После боя – да! Если успешный поиск, то сам командир полка и спирт поставит, и еды дополнительно даст, и рядом за стол сядет.

– **Как вы относились к немцам?**

– Было четкое понимание того, что если ты промахнешься, то он тебя убьет. Никакой ненависти не было. Раз ты на войне, значит, должен стрелять и убивать.

– **Страшно было?**

– Необстрелянный человек – у него все нервы напряжены. Он любого разрыва и выстрела боится. Таких людей, которые заранее готовы к войне, нет, но этот страх преодолевается. Через некоторое время, когда пообвыкнешься, уже понимаешь, что вот этот снаряд мимо пролетит, а вот этот опасен. Но даже после кратковременного отсутствия на передовой, например после госпиталя, чувство страха на некоторое время возвращается.

Потом, если бояться, так и в разведку не пойдешь! А ты знаешь, что люди чувствуют командира так же, как и лошадь ездока?! Если лошадь чувствует, что ездок трусит, то она не пойдет брать препятствие! Так и здесь – если командир смелый, то солдат чувствует: «О! С этим командиром не пропадешь! Он не подведет!» Смелость и спокойствие командира играют решающую роль! Я, например, когда действовал, всегда рассуждал так: «Не сегодня, так завтра убьют! Что мне бояться, боже мой!» Поэтому, наверное, люди ко мне всегда старались попасть. Отбирал я их так: главное – это желание! Если он желает – все приложится! Потому что трус, больной или слабый не пойдет! Внешние данные, конечно, тоже играют роль. Был у меня такой Волков... Мне его так было жалко, когда он погиб. Выше среднего роста, крупный парень, хороший. Он мне говорит: «Я ранен». Я ему: «Не шевелись, прижмись. Полминутки, минутку, и все!» Но это хорошо, когда не ранен, можешь прижаться, а раненый – он кидается. Смотрю – все, убит.

Почему он погиб? В середине августа мы отступали на промежуточный оборонительный рубеж в районе Алакуртти. Наш 1-й батальон после отхода из района горы Юнгойванселька к исходу дня подошел к горе Иеникуваара. В это время потерялась связь с командиром полка. Батальоном командовал вновь назначенный старший лейтенант Данилов Павел Гаврилович, опытный, уравновешенный и требовательный командир. Потом немного позже он станет командиром 596-го СП.

Находясь на горе Иеникуваара, я получил от командира батальона задачу – в течение ночи найти место расположения командного пункта полка и получить задачу на дальнейшие действия батальона. Комбат показал на карте направление, где нужно искать. Задача была не из легких, так как на указанном направлении уже действовал противник и встретиться с ним можно было в любую минуту. Времени на размышление не было, и я должен был как можно быстрее выступить на задание. Собрав разведчиков, которых во взводе насчитывалось 12 человек, я ознакомил их с предстоящей задачей. Ребята были измотаны в предыдущих боях, кроме того, продовольствия почти не было – немцы захватили участок дороги Алакуртти – Кайрала и подвоза не было.

Уходя на задание, мы предупредили своих, что обратно возвращаться будем по этой же тропе. Ночь была темная и тихая, шли медленно и осторожно. Приходилось часто останавливаться и прислушиваться к каждому звуку и шороху. Когда на пути слышались отрывочные слова на немецком языке, мы уклонялись в сторону и продолжали двигаться в нужном направлении. Разведчики были рядом, и все распоряжения отдавались вполголоса. И так мы продвигались до наступления рассвета. Под утро на пути следования встретились с бойцами нашего полка, это были связисты, их было трое. На мой вопрос, где находится штаб полка, они показали направление и сказали, что, пройдя метров 300–400, нужно повернуть направо.

На наше счастье, мы быстро подошли к месту расположения штаба, и я встретился с командиром полка. Встреча была неопиcуемая, так как все очень волновались из-за отсутствия в течение продолжительного периода времени связи с 1-м батальоном. Пока оформляли документы для командира батальона, мы немного отдохнули от ночных походов. Получив пакет, двинулись в обратный путь. Шли быстро, чтобы не опоздать, ибо время было крайне ограничено. Утром идти было легче, но и опасность увеличивалась. Уже поднялось солнце, и было приятно ощущать его теплые лучи после холодной ночи. Под ногами было изобилие ягод, и мы рвали их горстями, на ходу утоляя голод.

До нашего переднего края оставалось метров 300–400. Осталось пройти по редколесью. На душе было какое-то чувство удовлетворенности и радости, что задание мы выполнили своевременно. И вдруг впереди прогремели автоматные очереди, и тут же подбегает один из разведчиков, действовавший в головном дозоре, и сообщает, что впереди, метрах в 30–40, немцы. Наш дозор был внезапно обстрелян противником, и один из разведчиков был

убит. Все это настолько меня ошеломило, что трудно даже представить. Где угодно я ожидал внезапную встречу с немцами, но только не в этом месте, так как рядом был наш батальон.

Сколько было здесь противника и как он расположен, мы этого не знали. Ясно только было то, что он здесь появился ночью после того, как мы ушли на задание. В такой обстановке нужно действовать быстро и решительно, размышлять было некогда. И тут же сработало подсознание – немедленно атаковать, прорваться через его боевую цепь и как можно быстрее выйти к своим. Другого выхода не было. Все это происходило в считанные секунды, и когда я взглянул на своих разведчиков, то сразу же почувствовал, что они уловили мои мысли, и это ускорило начало атаки.

Тут же все рванулись вперед и с каким-то остервенением и криками «ура!», забрасывая противника гранатами и ведя на ходу автоматный огонь, проскочили через его боевую линию. Все это произошло так быстро, что противник не мог разобраться, что же делается и почему его атакуют с тыла. Мы действительно оказались у него в тылу, так как фронтом он был расположен в сторону нашего батальона. И вот тут-то произошло что-то невероятное и непредсказуемое: с высоты, на которой находился батальон, на нас обрушился сильный пулеметный огонь, даже невозможно было поднять голову. Таким образом, мы оказались между двух огней.

Наши вели огонь сверху, а противник снизу. На какое-то время немцы затихли. По-видимому, они тоже были в недоумении, почему русские стреляют по своим. В такой жуткий момент нужно было что-то предпринимать. Рядом со мной лежал этот Волков. Вдруг он простонал и прошептал, что ранен в бедро. Я приказал ему не шевелиться, но он же раненый...

Неожиданно стрельба прекратилась. Немедленно дал команду разведчикам: «Вперед!» Ползком, а где можно, полусогнувшись начали двигаться к своим. Помог кустарник – мы оторвались от противника. Я находился в сильнейшем нервном потрясении, но постепенно отошел и доложил командиру батальона о случившемся. А произошло то, о чем я беспокоился, когда уходил на задание. Оказывается, в наше отсутствие в батальоне провели в этом месте замену подразделения и забыли предупредить о предстоящем нашем возвращении после выполнения задания.

В итоге мы потеряли трех разведчиков убитыми и двое были ранены. Лично у меня в этом бою пулей пробило пилотку на голове и разорвало хлястик на шинели. Надо сказать, что я прижимался к земле так, что, будь одним сантиметром выше, мне бы не остаться живым.

Убитых своих товарищей мы похоронили на этой же высоте, оставив у могилы три больших камня.

Так вот, я имел право отбирать людей из полка. Штатный взвод разведки 20–25 человек, конечно, был, но, когда я уходил в тыл противника, мне предоставлялось право при необходимости набирать дополнительно. Много было ребят, желавших пойти в разведку из уголовников, потому что в разведке отличиться можно было быстрее, а уж если он отличился, то сразу подавали представление о снятии судимости. Вот таких у меня было человек 5, и двое из них имели приговоры даже по 10 лет тюрьмы. Очень хорошие ребята.

– ***Вас берегли, не использовали как пехотинцев?***

– Каждый командир берег разведчиков знаешь как? Оооооо! Для него разведка все! Если командир хороший, он свой взвод бережет как зеницу ока!

– ***У вас были послабления, привилегии?***

– Нет, я знал только то, что поставленную задачу надо выполнить. Если вернешься, значит, струсил. А то бывает так: пошел, его обстреляли, он вернулся и доложил: «Нас обнаружили». А у меня тогда и пулемет обстреляли, и немцев встретили, а задачу все-таки выполнил. Вот только этого пленного не уберегли. Правда, никого тогда не представили к наградам.

– ***Расскажите этот эпизод.***

– Это было в начале сентября 1941-го, немцы были остановлены на Верманском рубеже. Наш полк занял оборону на участке озера и реки Нижний Берман и далее своим левым флангом примыкал к озеру Толванд.

Начальник штаба полка капитан Бутов вызвал меня к себе в штаб и поставил задачу – с наступлением ночи проникнуть в расположение противника в районе севернее озера Нижний Берман и захватить «языка». Место захвата было указано на карте. Конкретный объект для нападения не указывался, нужно было идти и искать. Времени на подготовку к выполнению задачи практически не было, а за оставшийся небольшой промежуток до начала действий можно было только ознакомить бойцов с полученной задачей, назначить в группу конкретных людей и собраться. Для выполнения предстоящей задачи я взял девять человек. С таким количеством людей легче было проникнуть через передний край обороны противника, да и проще маскироваться у него в тылу.

Передний край проходил по неглубокой реке Средний Берман шириной до 8—10 метров. С наступлением ночи подошли к устью реки. По бревнам потихоньку перешли на противоположный берег. Один из разведчиков, рядовой Рыбин, поскользнулся и свалился в воду. Вначале я решил вернуть его обратно, но он очень просился идти с нами. Пришлось уступить. После небольшой задержки мы ползком преодолели передний край обороны и пошли в тыл. Чтобы никто не потерялся в ночи, двигались очень медленно и не цепочкой, как днем, а все вместе, компактно, чтобы всем были слышны мои команды, подаваемые вполголоса. Пройдя от переднего края метров 500–600, внезапно наткнулись на проволочный забор, послышался грохот железных консервных банок, навешанных на проволоку, и тут же в нашем направлении прогремела пулеметная очередь. Пламя от работающего пулемета на мгновение осветило нас. Вся группа мгновенно отскочила в сторону, и, к счастью, никто не потерялся и не был ранен. Опасаясь преследования, мы быстро отошли в более безопасное место. Я начал размышлять, как же поступить дальше, так как мы уже обнаружены и обстреляны. Противник, естественно, повысил свою бдительность. О возвращении обратно не могло быть и речи. Единственный был выход – оставаться в расположении противника до утра и путем наблюдения и скрытного проникновения в его глубину отыскать и определить объект для нападения, а с наступлением следующей ночи внезапно напасть и захватить «языка». Мое решение все разведчики поддержали.

Утро выдалось тихое и солнечное, на переднем крае слышны были короткие пулеметные очереди и одиночные выстрелы. Все мы замаскировались в небольшом кустарнике на холмике. В глубине на расстоянии 200–300 метров слышен был стук топора и даже отрывочные голоса работающих там немцев. Расположившись поудобнее, я начал ориентироваться и показал на местности, где мы шли после преодоления переднего края, определил направление, где должны искать объект для нападения, и пытался повернуть направо, чтобы определить направление отхода после выполнения задачи. В этот момент среди редколесья в 30–40 метрах мы увидели группу немцев в 12–15 человек. Немцы резко остановились и повернулись лицом к нам, даже начали снимать с плеч автоматы. Я на мгновение оцепенел, но тут же сообразил – не реагировать, не проявлять никаких признаков тревоги. Смотрю на них спокойно и вроде бы продолжаю рукой показывать направление отхода. Разведчики, находившиеся рядом, разгадали мою мысль и тоже проявили выдержку. Это спасло нас. Конечно, можно было вступить с немцами в бой, но как потом выйти на свою территорию, особенно как преодолеть обороняемый передний край и минные поля, которые прикрываются огнем противника?! Противник, видя наше внешнее спокойствие, вероятно, принял нас за своих. Немцы молча повернулись налево и проследовали в сторону переднего края. Они просто не могли представить, чтобы в такое время у них в тылу были русские разведчики. Помогло то, что мы были в маскировочных костюмах, по цвету таких же, как у немцев, и все были без головного убора.

После ухода немцев мы переместились поближе к району, где производились строительные работы. Стали более осторожными, двигались медленно, просматривая каждый кусочек местности.

Наконец наступила вторая ночь. В течение полутора-двух часов мы приближались к расположению противника и, наконец, нашли землянку. Нападение должно было осуществиться бесшумно, чтобы потом спокойно отойти и преодолеть передний край в известном нам месте. Для нападения и захвата «языка» я назначил трех разведчиков, которые были физически наиболее крепкими и сильными, – это были рядовые Рыбин, Ройтман и еще один, фамилию которого уже не помню. Остальные разместились вблизи, чтобы при необходимости поддержать группу захвата огнем. Эти трое ползком двинулись к землянке. Напряжение было предельным, с секунды на секунду чего-то ожидали, и все были в тревожном состоянии. И вдруг в ночной тишине прозвучало два одиночных выстрела. Наше напряжение еще больше усилилось. Вслед за этим послышались шум, крик и сильная стрельба. Я хотел было броситься вслед за ушедшими разведчиками, но тут же они появились вместе с захваченным пленным. Оказывается, войдя в землянку, они наткнулись на двоих спящих немцев, которые, испугавшись, подняли крик. Разведчики попытались их тащить, но они оказали яростное сопротивление. Одного фашиста разведчики пристрелили, а второго захватили в плен. Рядом располагавшиеся немцы, услышав крики и выстрелы, в панике подняли шум, и началась беспорядочная автоматная стрельба. Все это произошло в считанные секунды. Тут же вся группа без потерь была в сборе. Используя замешательство противника, мы начали спешно отходить. Идти было трудно, так как шли, не разбирая дороги, в основном по камням. При подходе к переднему краю начался рассвет. Немцы не преследовали, но когда стали переправляться, по нам открыли артиллерийский огонь. Несколько разведчиков было ранено, а пленный был убит. Я доложил начальнику штаба о результатах разведки. По захваченным документам противника была установлена нумерация и принадлежность его подразделения, а также место командного пункта обороняющегося батальона, так как случайно объектом нападения оказался командный пункт батальона противника.

Несмотря на наши действия, к наградам никто не был представлен. Начальник штаба полка сказал мне, что если бы пленного притащили живым, то получили бы такой же орден, как у него на груди. А у него был орден Красного Знамени.

Честно сказать, я никогда ни за званиями, ни за наградами не гонялся. Один раз вызвали в штаб дивизии. Я тогда был старшим лейтенантом. Приезжаю, а мне офицер штаба говорит:

– Ты чего не по форме одет?

– А что?

– Да ты же капитан! – Снимает две шпалы со своей формы и мне надевает.

Мне было 21 год, когда я стал капитаном. С наградами тоже не везло – в самые жаркие моменты начала войны, как правило, не представляли. Вообще у нас в Заполярье представляли только за конкретно выполненную задачу, а не так, как на Западе, – по разрядке. Поэтому у меня есть только орден Красной Звезды за удачную засаду.

Дело было так. В конце 1941-го я был легко ранен и в полк вернулся в январе 1942 года. Там я был назначен командиром полковой разведки (взводы пешей и конной разведки). Вскоре была получена задача – выйти в район северо-западнее озера Толванд и захватить «языка». Указанный район находился на правом фланге противника за озером, где его подразделения оборонялись в отдельных опорных пунктах. Все подходы были заминированы. Через месяц я там подорвался на mine и был тяжело ранен...

После небольшой подготовки, проведенной накануне выхода, во второй половине ночи я проверил каждого из тридцати отобранных разведчиков и спросил, нет ли больных или не желающих идти на задание. Оказалось, что все чувствовали себя хорошо и настроены

были по-боевому. Группа выходила на задание пешком без лыж, хотя снег был глубоким и рыхлым.

В момент нашего выхода стояла тихая и морозная ночь, небо было чистым и звездным. Ярко светила луна. Только на переднем крае слышны были короткие пулеметные очереди, вспыхивали и гасли ракеты. Пройдя через боевое охранение батальона, мы скрылись за небольшой высотой.

Идти было тяжело, так как снег был рыхлый и разведчики быстро уставали, особенно идущие впереди.

Через какое-то время мы вышли на озеро Толванд, где оно было шириной около 2,5 км. Примерно через час мы достигли его противоположного берега. Немного отдохнули, а затем двинулись вдоль залива. Вскоре увидели небольшой домик. Это место было где-то в полутора километрах от опорных пунктов противника. Чтобы не нарваться на минное поле, нужно было дождаться рассвета. Мороз был крепкий, и я решил воспользоваться домиком, чтобы не поморозить людей, оставив двух наблюдателей, которые поочередно менялись. В домике было тихо и спокойно, многие уже успели задремать. Вдруг послышались звуки настоящей стрельбы, и все быстро вскочили. Оказалось, что один из разведчиков собрал щепки, обрывки бумаг и закинул в печку, а потом поджег, но вместе с мусором туда попали и винтовочные патроны.

Уже стало светать, и мы вынуждены были срочно уходить, опасаясь, что противник мог услышать разрывы патронов. Цепочкой двинулись вперед, в сторону опорных пунктов противника. Выйдя на просеку – а она просматривалась на глубину до полутора километров, – мы продолжали свой путь, меняя поочередно впереди идущих разведчиков.

Пройдя около 600–700 метров, заметили вдалеке шедшую навстречу группу противника человек 20–25. Группа двигалась на лыжах, была сильно растянута и четко выделялась на снегу. Наши разведчики в новых маскировочных костюмах были практически незаметны. Тут же принял решение организовать засаду. Разделил бойцов на две группы: одну, под командованием политрука лейтенанта Литвака, расположил слева от просеки, а вторую возглавил сам и расположил уступом справа от просеки. Местность хорошо просматривалась в сторону противника. Все разведчики были предупреждены, что огонь открывать только по моему сигналу – пистолетному выстрелу. Через 6–7 минут немцы подошли к месту засады. Помню, что идущий впереди был небритый, рыжий, потный, с автоматом на плече. Прицелившись в него, я выстрелил из пистолета с расстояния около 15–20 метров. Вслед за этим вся засада обрушилась на противника сильнейший автоматный огонь. Кто попадал в снег, запутавшись в лыжах, а кто пытался убежать.

Опасаясь, что разведчики в азарте перебьют всех немцев, я дал команду прекратить огонь, и все бросились в рукопашную схватку. Сержант Семенов набросился на одного фашиста, пытавшегося выстрелить, и, вырвав у него автомат, ударами уложил его. Второго, пытавшегося убежать, он скосил автоматной очередью. Лейтенант Литвак с двумя разведчиками уже схватил одного «языка». Рядовой Сухоруков набросился на финна, на помощь ему подошел рядовой Муртазалиев. Они быстро его схватили и поволокли в сторону. Рядовые Звенигора и Клепиков также схватили пытавшегося отлежаться в снегу немца. Все это произошло мгновенно. Видя, что задача выполнена успешно, я дал команду отходить.

В результате короткой схватки противник оставил на поле боя восемь человек убитыми. Трех взяли в плен – немца, финна и австрийца. Были изъяты документы убитых, а также подобраны оружие и лыжи. У нас потерь не было. К нашему счастью, когда переходили через озеро, пошел густой и пушистый снег, скрывший нас.

В хорошем и бодром настроении мы подошли к боевому охранению 1-го батальона, где нас уже ожидал помощник начальника штаба полка капитан Васильев. Он тут же спросил: «Ну как?» А я пошутил: «Неудача». Но он сказал, что слышал наш бой и по выражению

лиц разведчиков догадался, что задача выполнена успешно. В боевом охранении мы позавтракали и накормили пленных, а затем направились в штаб полка.

– *Как вы к партии относились?*

– Я прибыл на фронт комсомольцем. А потом, после случая с документами, когда я сумку нашел, в полку на меня обратили внимание и решили принять в партию. Я помню, шел с разведчиками, и секретарь партийной организации полка встретил меня и сказал о решении.

– А что надо сделать? – спросил я.

– Ничего, вот заявление напиши, и все.

Приняли меня в кандидаты и через 6 месяцев приняли в партию. Ну а я выполнял все, что от меня требовалось.

– *Что за эпизод с сумкой?*

– Там вот что произошло. Это было летом 1941 года. Потери в батальоне были большие. Мы отступали и к концу дня уже подходили к району, который предполагалось занять, чтобы обеспечить отход командного пункта 122-й дивизии и ее артиллерии.

Сопки, покрытые лесом, перемежались с заболоченными участками и редколесьем. Мы, разведчики, шли впереди в пределах видимости. Сгущались сумерки, но видимость еще была неплохая. Я заметил в 200–250 метрах правее колонну немцев, которая шла нам наперерез. Я тут же подал условный сигнал в голову колонны, но там никто не отреагировал, видимо, никто за нами не смотрел. Медлить было нельзя, и я приказал разведчикам открыть огонь по противнику, чтобы привлечь внимание командира батальона. Услышав стрельбу, батальон тут же развернулся «к бою», и началась перестрелка. Бой длился около 30 минут. Стемнело, и пошел мелкий густой дождь. Воспользовавшись этим, батальон начал выходить из боя, чтобы к указанному времени занять оборону. Отойдя около километра от места боя, командир батальона решил сделать небольшой привал, чтобы проверить личный состав в подразделениях. В результате боя было ранено несколько человек. Я со взводом находился при командире батальона. В это время обнаружилось, что парторг полка, находившийся с нами, потерял в бою полевую сумку с документами. Командир батальона тут же обратился ко мне примерно с такими словами: «Я знаю, что разведчики очень устали, но нужно приложить все усилия и попробовать отыскать утерянную полевую сумку». Мы уже двое суток не отдыхали. И вот, насквозь промокшие и сильно уставшие, мы должны возвращаться к месту только что прошедшего боя на поиски утерянной сумки. К ночи дождь усилился, похолодало. Как найти то место, где шел бой? Где во время боя был парторг? А вдруг немцы заняли наши позиции? Но глаза боятся, а руки делают. Пошли по тем же следам и тропам, по которым только что выходили из боя. Двигались медленно, внимательно вслушиваясь в темноту. Вышли на наши позиции. Вначале обследовали первую полосу на глубину до 100–130 м, затем вернулись и, заняв следующее исходное положение, двинулись на просмотр очередной полосы. Пройдя 20–30 метров, слышу, как справа, совсем рядом, раздался немного приглушенный, но восторженный голос одного из разведчиков: «Вот она, нашел!»

Сколько же было радости и восторга в этот момент у моих разведчиков, даже трудно вообразить. Какая же тяжесть свалилась с плеч измотанных, полуголодных людей!

Тут же быстро собрались и потихоньку стали двигаться к месту расположения батальона, ускоряя темп движения по мере удаления от места выполнения задачи, так как тропы нам уже были знакомы, а желание – поскорее вернуться к своим – с каждым шагом нарастало.

В хорошем настроении мы благополучно возвратились в расположение батальона. Тут же я доложил своему командиру, что задача выполнена успешно и без потерь. Вручил ему нашу находку, за что он всех поблагодарил. Через короткое время мы опять двинулись к назначенному месту для занятия обороны в соответствии с ранее поставленной задачей.

– **Не было вмешательства политработников в вашу деятельность как разведчика?**

– Нет! У нас был замполит, лейтенант Литвак, который не вмешивался в командирские дела, а только следил, чтобы люди были одеты, накормлены и информированы о ситуации в стране. Он мне просто помогал. С людьми беседу провести или еще чего. Были, конечно, неприятные политруки, которые пытались командовать, но у меня ничего подобного не было.

– **Были ли какие-то приметы, предчувствия?**

– У меня было два момента. Первый произошел, когда мы отошли в район Алакуртти. Заняли оборону. Мы с телефонистом находились в одной ячейке. И тут начался артобстрел. И вдруг возникло чувство, будто кто-то силой тянет меня в сторону. Я успел отскочить метров на 15, и на месте, где я только что был, разорвался снаряд, который убил телефониста. Второй случай произошел, когда мы подходили к рубежу реки Берман в августе месяце. Устроили мы привал на высотке, а немцы все время постреливали. И вот какая-то сила подняла меня, и я сбежал чуть-чуть вниз, метров на 10–15. В эту же секунду на то место, где мы располагались, обрушился артиллерийский налет из 6–8 снарядов. У нас были раненые и, может, даже убитые, а я спасся тем, что отскочил. Оба эпизода длились секунды, быстрее, чем я о них рассказал. А вот когда я на mine подорвался, никакого предчувствия не было. Мы были в рейде в тылу противника. Только я сменил двух дозорных, которые вяло шли впереди, дремля на ходу, потому что не спали почти двое суток, и зацепился за растяжку. Только помню черно-красное пламя перед собой. Ребята потом сказали, что меня метров на 10 отбросило. Что характерно, если бы я был метра в 5, то осколки бы пошли по животу – это конец, а так по ногам и в руку, как она висела. Меня вытащили, но после этого ранения в разведку я уже не вернулся. В 1943-м пошел один раз в составе батальона в рейд, и пришлось вернуться, нога распухла, пришлось оперировать. После этого я служил в штабе 19-й армии, в войсковой разведке.

– **Использовали вы «подножный» корм?**

– Грибы и ягоды, конечно, и ели, и заготавливали. Иногда подстреливали кого-нибудь. В начале июля 1941-го на левом фланге дивизии была тропа, которую мы перекрывали. И вот послал я двух людей на ближайшую высотку посмотреть за немцами. Они в ложбинку, поросшую лесом, спустились, и я слышу – стрельба. Я уже думал с людьми туда идти. Смотрю – поднимаются. Оказалось, оленя застрелили. Так вот дня три-четыре мы это мясо ели.

– **Какое оружие брали с собой?**

– Я ходил с ППШ и ТТ. Пользовались и немецкими автоматами. Каждый стремился их достать, потому что они легкие были. Гранаты или Ф1, или РГД-34. Немецкие гранаты тоже использовали, поскольку у нее ручка длиннее и ее можно дальше кинуть. Если проводили разведку переднего края, то брали пулемет, но в тыл его не таскали – слишком тяжелый. Иногда нас поддерживали минометы и артиллерия.

– **Вас учили рукопашному бою?**

– Нас в училище учили обращаться с винтовкой. Мы сооружали чучело из соломы, рядом с которым вставал курсант с шестом, обмотанным тряпкой, чтобы не повредить нападающего. Ты только идешь колоть это чучело, а он тебя палкой! Так вот, ты должен палку отбить и чучело уколоть. Специальным приемам или обращению с ножом нас не учили, хотя сам нож и умение с ним обращаться разведчику нужны обязательно.

– **Были ли отличия в тактике, когда вы действовали против финнов или немцев?**

– Нет! Тактика не менялась, и мы не приспособливались к национальности противника.

– **Сколько человек ходило?**

– В Карелии такой рельеф местности, что даже батальону трудно маневрировать, особенно летом. Зимой иногда ходили силами до двух батальонов, громили тылы противника,

но в основном мы больше действовали мелкими группами, которые больше подходили для тех условий. Обычно 10–15 человек, но очень хорошо подготовленных и вооруженных. Немцы же чаще использовали большие соединения в 50–60 человек, поддерживаемые артиллерией и минометами. Довольно примитивная тактика, не дававшая эффекта. Кстати, финны тоже мелкими группами действовали. Кроме рельефа, в Карелии большую роль играет погода. Она может измениться в любую минуту! Такой случай был в 122-й дивизии. Вышел лыжный батальон в рейд. Погода была хорошая. Потом пошел мокрый снег. Все намокли. Командир связался со штабом дивизии и доложил, что дальнейшее продвижение невозможно – мокрый снег налипает на лыжи. Командир дивизии ответил: «Продолжайте выполнять задачу». Но командир батальона, на свой страх и риск, решил вернуться. А к ночи ударил мороз. Хорошо, что они вернулись – иначе все бы замерзли, хотя и так 70 человек было госпитализировано, а остальные были обморожены.

– **Как разделяли функции в разведгруппе?**

– Смотря какая задача. Если разведка объекта, то никакого деления нет. Если же нужно захватить «языка», то здесь выделяешь 2–3 наиболее крепких ребят в группу захвата, а остальные остаются в группе обеспечения, которая сможет отрезать огнем противника и не дать ему преследовать группу захвата. Потом уже наша теория считала, что должны быть три группы: нападения, захвата и поддержки. Просто выделяется из группы нападения один человек, задача которого захватить пленного, а остальные этот захват обеспечивают.

– **Тренировались?**

– Да! Когда уже в обороне встали, то, прежде чем идти на задание, выбирали объект – пулеметную точку, место засады на тропе и т. д. Готовились. В тылу подбирали похожее место, оборудовали его, и разведчики тренировались. Ведь в разведке самое важное – это знание объекта, особенно если стоит задача взять «языка». Надо изучить местность, подходы, подготовиться, а потом уже брать. А у нас сначала так было: «Вот сегодня в ночь пойдешь и на этом участке возьмешь «языка»!» Представляешь? Я мог только взять людей и определить, как идти и какое оружие взять. Потом, правда, все наладилось.

– **Убитых вытаскивали?**

– Если недалеко, то вытаскивали, а если не было возможности (как в том случае, когда полковника искали), то разбирали куски породы, делали углубление сантиметров 60, шинелями их накрывали и закладывали камнями. Раненых же всегда вытаскивали.

– **У немцев было много снайперов?**

– У нас было больше. Я тоже немного стрелял. Как-то пришел на передний край и смотрю, саперы ставят мины – такие деревянные коробочки, куда вставляют толковую шашку, а промежутки тоже толком засыпают, потом вставляют взрыватель, и сапер идет, минирует передний край. Вот я лег со снайперской винтовкой и все время постреливал, а противник там оборону, что ли, строил – то бревно несет, то еще чего. Как выстрелишь, смотришь, пропал. А этих саперов было трое, и у них было два мешка: один с шашками, а второй – тол в порошке. Вот он заготовит их заранее и несет штуки три. Надо взрыватель-то в последний момент вставлять, а им не хочется этого, лежа на болоте, делать. Я говорю:

– Вы что делаете?! Она же у вас в руках взорвется!

– Да нет, мы уже сколько ставили!

Минут сорок прошло, и слышу два сильнейших взрыва... Только одна нога осталась от этих троих.

Скопас Шалом Лейбович

Интервью – Григорий Койфман

Я родился в июле 1925 года в городе Паневежис в Литве. Нас было в семье четыре брата. Отец в 1928 году уехал в Америку на заработки и не вернулся в Литву. Наша семья снимала полторы комнаты, все мое детство мы бедствовали и страшно голодали. Всего четыре года успел проучиться в школе-хедере. Родной брат моей матери, Тевель Айбиндер, был профессиональным революционером, коммунистом-подпольщиком, просидевшим в царских, польских и литовских тюрьмах свыше двадцати лет за революционную деятельность. Под его влиянием я свято поверил в коммунистические идеалы и в 13 лет присоединился к коммунистическому движению и вступил в подпольный комсомол Литвы. Агитировал, вывешивал по ночам листовки с призывом бороться против буржуазного правительства. Когда в 1940 году Красная Армия пришла в Литву, я был счастлив.

– **Как вы отнеслись к депортации из Литвы 14 июня 1941 года?**

– Я видел своими глазами, как происходила депортация так называемых «буржуазных и националистически настроенных элементов». Поверьте, мне было больно это видеть, даже слезы накатывались на глаза, но я был убежден, что вершится правое дело ради идеалов свободы, равенства, братства и интернационализма и выселение «буржуев» – это справедливое наказание за страдания и лишения простых трудовых людей. Я не торжествовал в душе, когда смотрел, как депортируемых сажают в грузовики перед отправкой на станцию, но и не осуждал. Вся моя голова была забита коммунистическими идеями и задурманена пропагандой и политмассовой работой. Все свое детство я голодал, хлеба досыта не ел, кусок сахара в семье был праздником. Начиная с двенадцати лет ложился спать с топором под изголовьем, чтобы в любую минуту быть готовым к схватке с антисемитскими бандами, которые в то время бесчинствовали в городе. Так что вы хотите?! Моя реакция на происходящее была соответствующей моим убеждениям в тот период. Что было – то было...

– **Как для вас началась война?**

– Я не чувствовал приближения войны. 22 июня 1941 года нас, пять человек комсомольцев, вызвали в горком комсомола, вручили винтовку, десять патронов и отправили на охрану сахарного завода. Два дня подряд все небо над нами было забито немецкими самолетами, летящими на восток. 24 июня утром сдал пост охраны на заводе товарищу и пришел домой. В городе царила жуткая, дикая паника. Все работники советских и партийных учреждений бежали. Никакой организованной эвакуации не было. Немцы стремительно продвигались от границы к городу. Через город проносились на бешеной скорости машины, набитые красноармейцами. Никто не собирался защищать Паневежис. И вообще, вся Литва была отдана немцам фактически без боя... Сосед сказал моей матери: «Пусть Шалом уходит на восток. Он комсомолец, и немцы его не пожалеют. А нас они не тронут!» Мать быстро собрала мне котомку в дорогу, дала единственную ценную вещь, хранившуюся в нашей семье, – дамские золотые часики, и впервые в жизни мне рассказала, что у моего отца есть две родные сестры в России, в Куйбышеве. Дала старый конверт с куйбышевским адресом. Русского языка я тогда совсем не знал и не мог прочесть написанное на конверте. Мать сказала: «Забери с собой старшего брата и спасайтесь! Благословляю тебя, сынок!» Прибежал к старшему брату Гилелю на работу. Пошли с ним на выезд из города. Стали голосовать вместе с толпой таких же бедолаг. Ни одна машина не останавливалась – красноармейцы драпали

в тыл без оглядки. Решили запрыгивать в грузовики на ходу. Мимо пронеслась колонна грузовиков. Бросились с братом к машинам. Я зацепился за борт грузовика. Красноармейцы сбрасывали меня с машины. Одной рукой вырвал из своего кармана комсомольский билет, протягивал его красноармейцам и кричал: «Комсомол!» Какой-то старшина посмотрел на билет и затащил меня за шиворот в кузов. Оглянулся на следующую за нами машину и не увидел Гилеля. Ему не удалось заскочить в грузовик... Маму, Гилеля и двух младших братьев расстреляли литовские полицаи...

– *Сколько времени длился ваш прорыв на восток?*

– Я шел на восток два месяца. Из Прибалтики уходил в основном партактив. Мало кто из евреев успел убежать, многие не верили, что немцы поголовно уничтожают евреев... В Латвии наша колонна беженцев попала под страшную бомбежку, и больше половины людей из колонны погибли. Дальше шли лесами. Без еды, не зная и слова по-русски, с единственным документом в руках, и то с написанным по-литовски текстом. Лучше не вспоминать все эти мытарства и страдания, все то, что пришлось испытать на дорогах отступления. Шел вместе с другом, Хаимом Ритвесом, погибшим впоследствии на фронте в 16-й стрелковой дивизии. Только в середине августа я оказался вдали от приближавшейся линии фронта. Меня определили в колхоз «Большое село», в глубинке Ярославской области. В колхозе уже было много семей, эвакуированных из Ленинграда. Определили на постройку в семью Сорокиных. Сорокины были из староверов, отнеслись ко мне с любовью. Мне многое было в диковинку – самовар, традиционная одежда... Показал Сорокиным «куйбышевский» конверт. Они написали письмо по указанному адресу, и вскоре пришел ответ от сестер отца. Они ждали меня. Тепло простился с Сорокиными, сел на пароход «Академик Бах» и поплыл по Волге. Обе тетки приняли меня с радостью. Их мужья уже были на фронте. В начале зимы 41-го года случайно встретил кого-то из «литовских» беженцев и услышал о создании 16-й Литовской стрелковой дивизии. Пришел в военкомат, попросился добровольцем. Мне там сказали, что «западников» в армию не призывают, а шестнадцатилетних на фронт вообще не берут, даже добровольцами. В Куйбышеве находилось представительство правительства Советской Литвы. Пришел туда. Меня принял 1-й заместитель председателя Совнаркома Литвы Кучинскас. Он хорошо знал моего дядю-подпольщика. Спросил его: «Почему меня не берут?! Хочу на фронт добровольцем!» Кучинскас написал на правительственном бланке следующее письмо военкому: «Комсомолец-подпольщик Скопас направляется добровольцем в 16-ю СД». Вернулся в военкомат, передал письмо военкому. Он посмотрел на меня с интересом и изрек: «Жди повестки». Через две недели в дом тетки, находившийся на улице Галактионовской № 71, постучал посыльный из военкомата и передал мне повестку о призыве. Тетка сшила из наволочки вещмешок, дала какие-то продукты. В военкомате получил предписание явиться в Балахну Горьковской области – в место формирования Литовской дивизии. Ночью, ожидая поезда, заснул на вокзальном полу. Кто-то разрезал мой вещмешок и вытащил продукты и все документы. Я был в отчаянии. Пришел к начальнику станции, пытаюсь на ломаном русском языке объяснить свое горе. Начальник станции молча достал из ящика мои документы и вернул их мне. До сих пор не пойму – был ли он сообщником воров... 12 января 1942 года я уже был в Балахне. Прошел медицинскую и мандатную комиссию и сразу же был направлен в дивизионную разведроту.

– *Что представляла собой 16-я Литовская стрелковая дивизия? Расскажите подробнее об этом формировании. Где набрали литовцев на целую дивизию?*

– Чтобы дать вам точную раскладку по цифрам, я буду сейчас вынужден использовать статистические данные из книги, изданной в Литве и посвященной 16-й СД. 18 декабря 1941 года был издан Указ ГКО о формировании 16-й Литовской дивизии и 7-й Эстонской дивизии на территории МВО. Из Литвы успело убежать примерно 20 000 человек, мужчин, женщин, детей. Ядро дивизии составили литовские коммунисты-подпольщики, комсомольцы и

солдаты так называемого 29-го стрелкового территориального литовского корпуса, сформированного на базе бывшей армии буржуазной Литвы. Большинство солдат корпуса с началом войны разбежались по домам или сдались немцам в плен, но было среди них несколько сотен солдат и сержантов, участвовавших в первых приграничных боях с немцами и отступивших с Красной Армией на восток. Одним из таких бывших кадровых солдат 29-го СК был мой будущий командир разведзвезда Альгирдас Гедрайтис, неожиданно изменивший присяге и перешедший к немцам в начале 1943 года. В январе 1942 года в дивизии было всего 1500 человек. Этой группы хватило на комсостав и только для формирования специальных и артиллерийских подразделений. А потом пошел со всей страны поток евреев, беженцев из Литвы. Люди прибывали с Урала, Сибири, Азии. Их не брали в армию в военкоматах по месту эвакуации, они считались «западниками», не заслуживающими доверия, некоторые из них были вообще людьми без советского гражданства. Но когда вышел указ о формировании дивизии, им разрешили проследовать в Горьковскую область. Всех евреев направляли на формирование стрелковых полков, исключение на первых порах составили только медики. Кроме того, в дивизию направлялись лица литовской национальности, ранее проживавшие на территории СССР. Немало литовцев жило в Ленинграде, в Руднянском районе Смоленской области. Были литовские села в Саратовской области, три больших литовских деревни под Новосибирском. Была еще группа поляков, уроженцев Вильнюсского края, считавшихся литовцами. Для усиления дивизии на многие командные должности направляли сержантов и офицеров русской национальности, в основном уже успевших понюхать пороха на фронте. Так, например, к нам в 167-й стрелковый полк прибыл Герой Советского Союза Леонид Бубер, отличившийся еще на финской войне. Направляли к нам также солдат с литовскими корнями из других стрелковых дивизий Красной Армии. Но я знаю лично десятки людей, литовских евреев, которые воевали на разных фронтах, так и не будучи направлены в национальную литовскую дивизию. Так что к лету 1942-го в дивизии было примерно 11 500 человек, из них семь тысяч литовцев или уроженцев Литвы. Национальный состав дивизии был следующим: треть солдат и офицеров – литовцы, треть – евреи и еще треть – русские и представители других национальностей. Примерно 70 % рядового состава в стрелковых полках составляли евреи. Дивизия состояла из трех стрелковых полков – 156, 167, 249-го, из саперного, учебного и лыжного батальонов, дивизиона ПТА, зенитного дивизиона, 224-го артполка, отдельного батальона связи и моей 18-й отдельной разведроты. Поскольку само создание национальной дивизии являлось политическим актом, то в дивизии был большой политотдел, национальный оркестр и ансамбль песни и пляски. Была даже специальная группа фотографов, задачей которых было снять на пленку для истории весь боевой путь дивизии. Поэтому и существует множество фотоматериалов по 16-й СД. При дивизии во время формирования находилась специальная рота, в которой готовили будущих диверсантов и партизан для действий на территории Литвы, а в Шуе была создана партийная школа, в которой обучались будущие партийные кадры для республики. В Балахне оставался 2-й запасной батальон дивизии, ответственный за поставку «пушечного мяса» для 16-й СД. Для того чтобы сохранить «прибалтийский» характер нацформирований, был издан строгий приказ, согласно которому все выбывшие из строя по ранению солдаты из прибалтийских дивизий направлялись после госпиталей только в свои части. В этом аспекте нас заранее уравнивали с гвардейцами. Но из-за высоких потерь уже в 1943 году в дивизию шло большим потоком «русское пополнение». И только после того, как 16-я СД вошла в 1944 году в Литву, вновь большинство солдат дивизии составили литовцы, коренные жители республики. Где-то читал, что со второй половины 1944 года и до конца войны в дивизию на пополнение прибыло больше 12 000 литовцев из освобожденных районов Литвы. В июле 1942 года дивизия полностью закончила формирование и подготовку к боевым действиям и была признана готовой к отправке на фронт. В принципе это весь краткий экскурс в историю создания дивизии.

– Как происходил отбор в отдельную разведроту дивизии?

– На мандатной комиссии меня сразу спросили: «Хочешь служить в жвальгибе?» «Жвальгиба» – по-литовски разведка. Я с радостью согласился. В разведку дивизии отбирали самых лучших и подготовленных, только бывших подпольщиков, коммунистов и комсомольцев, но также была большая группа из бывших кадровых солдат 29-го стрелкового корпуса Литовской армии. В моем взводе «кадровиков» была почти половина. Евреев в разведку брать не хотели, желая сохранить элитарное подразделение дивизии мононациональным и составленным только из представителей титульной нации. Хотя у нас была часть ребят – русские, уроженцы Литвы. Но я имел «подпольное» прошлое, и меня взяли в роту без проблем. Евреев в разведроту поначалу было всего четыре человека, это потом уже нас там собралось порядочное количество, хоть синагогу открывай. Наша рота называлась – 18-я отдельная моторизованная разведроты, но я не знаю, почему мы назывались моторизованной, у нас даже мотоцикла в роте никогда не было, не говоря уже про БТРы. В роте на формировке было 120 человек, делившихся на три взвода. Разведкой дивизии командовал майор Стасис Гайдамаускас, бывший офицер буржуазной литовской армии. Человек лично смелый и требовательный, строгий, но не подлый. Всегда предельно официальный. Одно время в должности начальника разведки был майор Шимко, человек тоже серьезный, оставивший о себе очень достойное впечатление. Ротой командовал бывший капитан Литовской армии по фамилии Даугела, человек интеллигентный и умный. Коммунистом он не был. К нам он относился очень корректно и сухо. В конце 1943 года роту принял капитан Евгений Барабаш, погибший осенью 1944-го... Вообще, дух и закалка старой Литовской армии сохранялись в дивизии всю войну. Бардака в плане дисциплины или панибратства в отношениях с командирами в 16-й СД не было. Даже разведроты дивизии порой соблюдала «определенные рамки приличия». Внешне мы не производили впечатление «банды головорезов». Я попал во взвод лейтенанта Еедрайтиса, бывшего сержанта Литовской армии, удостоенного за бои под Москвой в составе Латышской дивизии медали «За отвагу» и получившего за боевые отличия командирское звание. Его измена в 1943 году потрясла меня, я не ожидал от него такого поступка. Со мной служили в роте бывший секретарь ЦК комсомола Литвы наш ротный комсорг Антонас Жалис, прекрасный человек и верный товарищ, мой друг еврей Брянские, парторг Бакас и много еще хороших ребят и смелых разведчиков: Бурокас, Витаутас Скобас. Многих еще можно назвать. Сразу после прибытия в роту мне вручили финку в ножнах – отличительный признак разведчика. Я был самым молодым разведчиком в роте... А потом началась боевая учеба. На полевых занятиях все выглядело таким простым и легкодостижимым. Учения по тактике разведчиков, ночные переходы, преодоления препятствий, ножевой бой, стрелковый бой, действия по захвату «языка», азы маскировки – все казалось «семечками»... Это потом, в первых боях, мы быстро разобрались, «почем фунт изюма» в разведке. На своей крови учились...

– Почему дивизия почти год находилась в тылу?

– Мне трудно вам что-то ответить дельное. Сталин объявил 1942 год победным и переломным, может быть, «наверху» ждали и надеялись, что Красная Армия быстро дойдет до границ Литвы, и берегли дивизию для участия в боях непосредственно на территории республики. Не знаю... 1 мая 1942 года нас привели к присяге. В июле приехала комиссия из штаба Московского округа, и дивизию признали полностью боеспособной. В августе нас перебросили в прифронтовую полосу, под Тулу, дивизия была дислоцирована в районе Ясной Поляны. Здесь мы простояли в резерве до конца декабря. Вся дивизия уже мечтала побыстрее вступить в бой. И причина тут не только в патриотизме личного состава. Все бойцы были измучены голодной тыловой нормой питания. В день давали 600 граммов хлеба, который делили на три пайки, пустую баланду, которую мы прозвали «Волга-Волга», и по

черпаку каши. Солдаты откровенно голодали. Отправки на передовую мы ждали с нетерпением.

– **Как происходила отправка дивизии на фронт?**

– В конце декабря нас перебросили в другой район Тульской области. В январе был совершен многодневный ночной марш в Глебовский район, потом в поселок

Русский Брод. Стояли сильнейшие морозы, снег валил круглосуточно, пурга занесла все дороги. Все обозы с продовольствием и боеприпасами безнадежно отстали. Нас беспрерывно гоняли вдоль линии фронта, мне уже казалось, что этим переходам, по 300 километров, не наступит конца и мы так и будем всю войну ходить из одного района в другой. В середине февраля мы выступили маршем на Дросковск. А потом нас перекинули в 48-ю армию на Брянский фронт. Новый переход был выше всяких человеческих сил, мы были уверены, что до пункта назначения не дойдем. Машины и повозки не могли пройти по заснеженным дорогам, люди тащили на себе мины, снаряды, ящики с патронами. Холод был лютый. Мы шли по 25 километров в день, спали в снегу, многие замерзли насмерть. Обессиленными и изголодавшимися, 18 февраля 1943 года, после очередного невероятно тяжелого марша, мы продолжили движение в район деревни Алексеевка. Там дивизия приняла свое первое боевое крещение, и, по сути дела, деревня Алексеевка является сплошной братской могилой для солдат нашей дивизии. В февральских и мартовских боях 1943 года дивизия потеряла больше 80 % личного состава. Это колоссальные потери. Погибли самые лучшие люди дивизии, самые преданные Советской власти коммунисты и комсомольцы.

Взвод разведки 249-го СП получает боевую задачу от майора Шимко, начразведотдела полка; в центре – ГСС сержант Федотов

Я был тогда рядовым солдатом-разведчиком, и откуда мне было знать, что там решали в штабах, когда гробили нашу дивизию. Но одну деталь я знаю достоверно. Когда 16-я дивизия дошла до Алексеевки и был получен приказ наступать на Змеевку, командир нашей дивизии генерал Жемайтис вяло попросил по телефону у командарма несколько суток на отдых и на подтягивание артиллерии и тылов. Комиссар дивизии Мацяускас вырвал трубку из рук командива и бодро отрапортовал, что дивизия к атаке готова и рвется в бой! Решил, видно, сволочь, на день Красной Армии начальству подарок сделать и сам выслужиться. Командарм рявкнул: «Молодцы!», и так началось истребление нашей дивизии. 22 февраля 1943 года дивизия пошла в атаку без артподготовки, фактически вслепую. По пояс в снегу, в сорокаградусный мороз, солдаты вышли на исходные позиции для атаки. А у немцев там каждый метр был пристрелян заранее. Еще до того как полки поднялись в атаку, нас несколько раз нещадно пробомбили, а потом начался непрерывный артиллерийский и минометный обстрел. Батальоны продвинулись на несколько сот метров, но немцы пулеметами, из бойниц, расположенных в снежном валу, косили наши атакующие цепи. Только с наступлением темноты живые смогли отползти в свои траншеи. А на следующий день все повторилось вновь, по тому же сценарию. Солдаты в полный рост, без маскхалатов, черными мишенями на снегу, пытались атаковать. У деревни Нагорная немцы закопали в снег свои танки, и к пушечному, пулеметному и минометному жесточайшему огню добавилась смерть, изрыгаемая танковыми орудиями... Дивизия так и лежала, расстреливаемая, на снегу, на страшном морозе, прямо перед немецкими позициями. Окопаться было невозможно. Приказа на отход никто не давал. Солдатам говорили: «Ни шагу назад!» Наша артиллерия не могла нам многим помочь, у артиллеристов было в лучшем случае по 10 снарядов на орудие. Через шесть дней остатки

полков вывели с линии передовой и перебросили под деревню Никитовка, снова приказав любой ценой прорвать оборону противника. И здесь вновь продолжалась «мясорубка». Это были не бои, это было убийство. Под Никитовкой люди просто стали околевать от голода. Две недели нам вообще не доставляли продовольствия. Съели всех коней, а дальше... Солдаты питались только замороженной брюквой. Изредка давали по горстке муки, и бойцы мешали ее с водой, делая затируху. У многих от голода распухли ноги. А потом остатки дивизии вывели в тыл... Комдива генерала Жемайтиса по-тихому убрали с командования дивизией и отправили преподавать в Академию ГШ КА. Комиссар дивизии Мацяускас отделался строгим выговором. Никто не ответил за бездарную, ничем не оправданную гибель тысяч солдат Литовской дивизии. Мне до сих пор иногда снится, как я лежал двое суток под непрекращающейся страшной бомбежкой в Алексеевской церкви среди штабелей трупов наших солдат... Когда весной нас меняла на передовой стрелковая бригада, прибывшая из Сибири, то мы стали собирать из-под снега тела павших товарищей и рыть братские могилы, каждая на пятьсот человек. Многие из нас не брились по несколько недель, а религиозным евреям вообще разрешалось носить бороды, и как-то так получилось, что очень многие убитые были с лицами, заросшими черными бородами. Сибиряки, увидев горы трупов, пригтовленных к захоронению, спрашивали у нас: «Откуда у вас столько бородатых грузин?» Мы отвечали им: «Это не грузины, это евреи. Запомните это!»...

– **Как использовалась разведрота дивизии в этих зимних боях?**

– Первый поиск мы провели в ночь на 22 февраля. Пошли группой в 12 человек. Немцы заметили нас на нейтралке и расстреляли из пулеметов. Тогда погибли Брянские, Жалис, Бурокас, и еще три разведчика были ранены. Начальник разведки дивизии сказал нам, что мы еще «зеленые» и настоящей войны не знаем... и лично повел нас в поиск на следующую ночь. Нас снова расстреляли на подходе к немецким позициям. Потом нас кинули в бой, как стрелковый резерв, а далее послали в разведку боем, со всеми вытекающими отсюда для разведроты печальными последствиями. Ничего хорошего в моей памяти февральские и мартовские бои не оставили.

– **Как была вооружена ваша разведрота?**

– У всех автоматы, гранаты, кинжалы. Ручных пулеметов или снайперских винтовок у нас не было. Со временем многие ходили в поиск с немецкими автоматами. Наши ппш мы не любили, они часто заедали и давали осечки, а немецкие автоматы были легче и надежней. Трофейные пистолеты к 44-му году появились у всех разведчиков. Бинокли были у многих, а ракетницы – только у командиров групп.

– **Как обеспечивали разведчиков питанием и обмундированием?**

– Весной 1943-го под Орлом мы жутко голодали. Такая же картина была под Невелем в конце того же года. Все дороги были разбиты, продовольствие не могли подвезти к передовой. Разведроту посылали через леса, за тридцать километров, на армейские склады, и мы несли в своих вещмешках сухари для штаба. Один раз в таком «походе» мы по дороге назад съели несколько десятков сухарей, так нас за это чуть не расстреляли. Весь взвод уже выстроили «у стенки», но приказа на расстрел комдив все же не дал, пожалел разведчиков. Без опытной разведки тяжело воевать... Я сейчас говорю серьезно... Но в основном питание разведчиков было хорошим. Ленд-лизовские продукты нас выручали. Обмундирование было у нас добротным, разведчики ходили в пуховых куртках, кстати, отечественного производства. Сапоги вначале были только у комсостава, но со временем все разведчики поменяли обмотки на кирзачи. В бытовом плане нам было намного легче, чем пехотинцам. Разведрота в обороне обычно дислоцировалась рядом со штабом дивизии, и организовать помывку в бане или стрижку для разведчиков было делом простым. В окопах мы мерзли только во время подготовки к поискам. «Аристократы»...

– **Пили в разведроте много?**

– Канистры с водкой спокойно стояли в роте, и никто спиртным чрезмерно не увлекался. Но были моменты, когда перед разведкой боем мы выпивали граммов по 200 водки, а то и побольше. Разведку боем у нас называли «разведка смертью». Те, кто знает, что такое разведка боем, меня сейчас поймут. Перед обычным разведпоиском, как правило, не пили, это была для нас обычная работа, и в стимуляции нашей смелости алкоголем мы не нуждались.

– **Численный состав разведроты оставался всегда неизменным?**

– Нет, с лета 1943 года в роте никогда не было больше пятидесяти человек. В поиск у нас ходили все, кроме старшины роты Табенкина, нашего «ангела-хранителя и кормильца», и замполита Гутаутаса, бывшего коммуниста-подпольщика. Гутаутаса мы все уважали, это был умный и хороший человек, имевший на нас большое влияние. Он умел поддержать дух разведчиков в трудную минуту. Его слова «Лучший немец – мертвый немец» стали девизом роты. Наш санинструктор роты принимал непосредственное участие в разведпоисках.

– **Как восполнялись потери в вашей разведроте? Как менялся национальный состав разведроты?**

– На пополнение присылали добровольцев, обязательно с боевым опытом. Из полковой разведки к нам тоже приходили, помню евреев Петлицкого, Гришу Розенблюма, прибывших к нам из полковых разведвзводов нашей дивизии. Прибыл к нам после штрафной роты бывший ленинградский уголовник и будущий ГСС, литовец, сержант Болеслав Гегжнас, разведчик смелый и толковый, но личность во всех отношениях противоречивая. С середины 1943-го к нам приходило после госпиталей на пополнение много русских ребят из других дивизий. Так, в мою группу попали Щербаков и Рукавишников. Щербакова снова ранило во время разведки боем, но он вернулся в роту и вскоре был убит в поиске. Рукавишников погиб от пули снайпера. В начале 1944 года рота была полностью смешанной по национальному составу, пришло много русских и украинцев.

Похороны командира взвода разведки лейтенанта Кокухина

Вот видите, на фотографии стоят: спокойный и храбрый Косолапов по прозвищу «Толстый», веселый Мельников, Бондарчук, ставший кавалером ордена БКЗ, смелый Нестеренко. Тогда же в роту пришел разведчик, ставший моим близким другом на всю жизнь, Николай Хваткин. Кавалер трех орденов, мой одноклассник. Живет сейчас в Москве и до сих пор преподает в вузе. В 1943 году из соседней дивизии к нам перевели нового ротного командира, капитана Евгения Барабаша. Молодой парень, но уже совсем седой, с тремя орденами на груди. Боевой офицер Женя Барабаш был «скрытым» евреем, но по документам шел как украинец. Мы иногда над ним «шутили», подходили к ротному и обращались к нему на идиш. Барабаш с огромным трудом не реагировал и делал вид, что не понимает сказанного, сразу переспрашивал по-русски: «Что случилось?» Отчаянный смельчак и прекрасный командир роты, Барабаш был тяжело ранен осенью 1944 года и скончался в госпитале от ран. Никаких национальных конфликтов в роте не было. Главным языком общения постепенно для всех стал русский. Многие из русских ребят не могли выговорить мое имя-отчество – Шалом Лейбович, так называли меня Ленькой или Алексеем Ивановичем. Мы были как одна семья, все фанатично любили Советскую власть и были готовы за нее в любую минуту отдать жизнь.

– **Сколько разведчиков выжило из первого состава роты?**

– Из первого состава до января 1945 года оставалось в строю всего человек пять-семь. Потом меня тяжело ранило, я выбыл из дивизии, и о дальнейшей судьбе некоторых товари-

щей у меня нет полной информации. Знаю точно, что сейчас живы из нашей роты три человека: Косолапов живет в Вильнюсе, Хваткин – в Москве, а я – в Израиле. Вроде еще жив Розенблюм, последние годы он жил в США.

– Имели ли бойцы разведроты какие-то послабления в плане воинской дисциплины? Все-таки подразделение элитарное, отборное.

– В 16-й Литовской СД была железная дисциплина, дух и даже традиции старой Литовской армии в дивизии сохранялись. Никаких дисциплинарных послаблений или «эсклюзивных» привилегий разведроты не имела. С разведчиками не церемонились. У нас если кого в дивизии «к стенке ставили», то не смотрели, кто разведчик, а кто нет. Закон был один для всех. Из нашей разведроты только Гегжнас мог себе позволить почти все, поскольку был любимцем штаба дивизии и поставщиком трофеев № 1. Конечно, и я мог при желании послать подальше какого-нибудь лейтенанта, возомнившего себя полководцем... Всякие были случаи... Но в основном дивизионные разведчики вели себя корректно, особо не зарывались и, как бы это похвастаться, чрезмерной заносчивостью не отличались.

– А мне ветераны Литовской дивизии буквально легенды рассказывают о вашей разведроты, в плане боевой деятельности, дисциплины и так далее...

– Вы серьезно думаете, что я сейчас начну вам, как на духу, выкладывать все, что творилось в нашей отдельной разведроты? И у нас остались свои маленькие «тайны» и свои «скелеты в шкафу». Прежде чем я начну вам предельно откровенно рассказывать о кое-каких событиях, я должен хотя бы по телефону позвонить еще живущим на свете бывшим бойцам разведроты и решить вместе с ними, а стоит ли вообще давать, скажем так, «лишнюю информацию»...

– Я уже привык, что бывшие разведчики и о боевой деятельности, и о рядовых разведпоисках рассказывают крайне скупно и сдержанно.

– И правильно делают. Берегут психику молодого поколения. Поймите, разведчики и диверсанты – это единственные люди в армейских рядах, которые всю войну провели, как говорится, лицом к лицу с врагом и со смертью. В буквальном смысле... И любой фильм ужасов покажется вам лирической комедией после честного рассказа войскового разведчика о том, что ему пришлось увидеть и испытать в разведке. Нам ведь очень и очень часто приходилось немцев не из автоматов убивать, а резать ножами и душить руками... Сами вдумайтесь, что стоит за фразой «я снял часового» или «мы бесшумно обезвредили охрану»... Спросите разведчиков, какие кошмары им сняты до сих пор по ночам. Просто спросите, не для публикации...

– Как относились к бойцам дивизионной разведроты в полках дивизии? Какими были отношения с полковыми разведчиками?

– Солдаты нас очень уважали. Это бесспорный факт, и мы этим гордились. С полковыми разведчиками тоже были хорошие отношения, все-таки одно дело делали. У нас, кстати, среди полковых разведчиков были настоящие мастера разведки, например ГСС сержант Вася Федотов из 249-го СП. А вот командование батальонов и полков относилось к дивизионной разведке по-разному. Помню, пришли в батальон Виленского готовить поиск, а он нам заявляет: «Е... вашу мать! Валите отсюда! Вы тут нагадите, а мне здесь потом за вас все дерьмо разгребать!»...

– Какие-то законы и традиции были приняты в вашей разведроты?

– Еще до выезда на фронт мы поклялись – ни в коем случае не оставлять врагу своих раненых и убитых. Это был наш основной закон. Был еще один закон – разведка погибает, но в плен не сдается!..

– Как вы оцениваете переход к немцам группы вашего взводного Гедрайтиса, переход к немцам группы Климаса – Чернюса из полковой разведки 156-го СП?

– Переход группы командира моего взвода лейтенанта Гедрайтиса к немцам в начале марта 1943 года был для меня ударом. Мы все были в шоке. Я должен был идти с этой группой в поиск, но слег с высочайшей температурой, и они пошли в немецкий тыл без меня. В группе было шесть человек, все бывшие солдаты и унтер-офицеры из 29-го территориального СК, кадровики Литовской армии, включая помкомвзвода Яздаускаса. Группа не вернулась. Через день линию фронта под немецким огнем перешел какой-то паренек в простреленной телогрейке. Он рассказал, что группа Гедрайтиса прячется от немцев в подвале дома, в селе, расположенном от передовой в 11 километрах. В группе несколько раненых, и они ждут от нас помощи. Передал ремень Гедрайтиса, как знак того, что ему можно верить. Сразу в рот организовали отряд из 25 разведчиков. Несколько дней мы наблюдали за немецкой передовой, пытаясь нащупать место для удачного перехода линии фронта. И когда уже вроде все было готово к операции, к нам пришел «особист» и сказал: «Отбой!» Заметили в Особом отделе, что на телогрейке у парня все дырки от пуль свежие, а следов крови нет, и взяли этого хлопца в оборот. Тот сознался, что сам он служит у немцев полицаем и что послан немцами для того, чтобы заманить разведроту в засаду. А сам Гедрайтис добровольно, без боя, сдался со своей группой врагу в плен и предвкушал, как нас перебьют во время операции «по спасению разведгруппы». Этого парня привели к нам в роту, и он все нам рассказал. Потом спросил: «Кто здесь Ленька Скопас?» Я поднялся. Парень мне и говорит, что его Гедрайтис лично попросил удавить Леньку-жиденка...

Разведчики 16-1 СД ведут «языка»

А ведь Гедрайтис ко мне на формировке относился очень хорошо... Я не могу понять причин его предательства. Ведь Гедрайтис мог еще в 1941-м переметнуться к врагу, а он под Москвой храбро воевал и даже заслужил боевую медаль. Почему он сломался?.. Может, увидел поле боя под Алексеевкой, полностью покрытое трупами солдат дивизии, и выбрал жизнь ценой предательства... А может, не выдержал напряжения, когда перед каждым разведвыходом нам говорили открытым текстом представители разведотдела дивизии: «Если «языка» не возьмете – будете расстреляны! Без «языка» не возвращайтесь! Лучше сами себе пулю в лоб пустите!» Добавлю только одно: отец Гедрайтиса какое-то время после войны получал пенсию за своего сына, как за «пропавшего без вести». И такое случалось. Почему перешла к врагу группа Климаса из полковой разведки 156-го СП, я точно не знаю. Слышал, что Климаса поймали в Литве после войны и расстреляли. Младший лейтенант Повилайтис тоже получил свое за измену Родине. Бывший унтер-офицер сверхсрочник Литовской армии. Перебежал к немцам 4 июля 1943 года, прямо перед началом Курской битвы, и доложил немецкому командованию, что на участке обороны Литовской дивизии литовцев нет, находятся, как он сказал, «...одни жидаы и сброд из русских, а жидаы, известное дело, воевать не умеют и не желают». Немцы и ударили в районе высоты 248,0 в стык «жидовским полкам», это западнее поселка Красная Слободка. Сначала позиции 156-го СП два раза пробомбили 120 немецких бомбардировщиков, а потом немцы нанесли удар, пустив на узком участке двадцать танков. И так мы готовились к сражению, но после побега Повилайтиса все передовые части были приведены в полную боевую готовность. Мы ждали немцев, и атака была отбита с большими для противника потерями. 7 июля мы увидели в бинокли, как немцы подняли над своими позициями прибитый гвоздями к доске труп Повилайтиса. После, из допросов плененных немцев и из захваченных документов, выяснилось, что немцы посчитали младшего лейтенанта Повилайтиса специально заброшенным к ним в тыл лазут-

чиком, с заданием ввести в заблуждение немецкое командование относительно системы обороны и дислокации 16-й СД. Этот случай широко стал известен в дивизии. Собаке – собачья смерть! А теперь я вам хочу сказать следующее. Я думаю, что процент людей в Литовской дивизии, искренне и беззаветно сражавшихся за Советскую власть, был самым высоким в Красной Армии. Наша дивизия была, по сути дела, добровольческой и коммунистической, состоявшей из фанатиков. Еще один важный фактор. 30 % дивизии составляли евреи, и у каждого из них был свой личный счет к врагу. Поэтому я не хочу смаковать всякие «истории с предателями». Если бы все воевали, как 16-я СД, мы бы войну на пару лет раньше победой закончили.

– **Начало Курской битвы, каким оно было для вас?**

– Утром 5 июля 1943 года пошел навестить своего товарища Йозаса Левицкаса. Стояли с ним возле землянки, разговаривали. На передовой не стреляли, полное затишье. Вдруг в тишине раздался гул авиационных моторов. Над нами низко летели 300 немецких самолетов. А потом была такая бомбежка, что до сих пор ее забыть не могу.

– **Немецкий прорыв на участке 167-го СП происходил на ваших глазах?**

– На развалинах деревни Панская, в так называемом районе «семидворики», разместилась приданная нашему 167-му СП отдельная штрафная рота. Немцы выставили напротив своих «штрафников». Там нейтральная полоса составляла метров семьдесят, а посередине «нейтралки» стоял колодец. Штрафники с двух сторон как-то договорились между собой и друг друга... не трогали. Подходили к колодцу без особого страха и даже устроили «натуральный обмен» на «нейтралке» – наши оставляли на земле махорку и взамен получали от немцев сигареты. До братания не дошло, но бдительность наших «штрафников» притупилась. Под утро немцы, без выстрелов, быстро перемахнули нейтральную полосу и вырезали наших «штрафников», спящих в землянках. Так начинался этот прорыв в «семидвориках», немцы зашли в стык между дивизиями. В 167-м СП срочно создали ударный отряд. И комбат Виленский со сводным отрядом отбил назад утраченные позиции. Дивизионную разведроту к участию в этом бою не привлекали.

– **Какой из разведпоисков 1943 года вы считаете самым удачным?**

– В разведотделе нам «плешь проели» требованиями достать «толковых языков». Пошли группой 15 человек. Нас повел Гегжнас. Зашли к немцам в тыл, расположились в лесу, рядом с дорогой, ведущей к немецкому госпиталю. И так мы с этой дороги восемь человек в лес затащили. Один из них был офицер в звании капитана. Он достал трубку и закурил. Дым нас мог демаскировать. Говорю ему: «Быстро трубку затуши!» А он мне в ответ целую тираду выдал, мол, не имеете права, согласно Женевской конвенции никто не смеет унижать пленного офицера. Нагло себя повел офицерик... Начал он орать на всю округу, так мне пришлось его сразу ножом зарезать. Стали совещаться, что будем делать дальше. Семерых немцев трудно через передовую провести. Зарезали еще троих. А четверых привели в плен. Договорились между собой, что если в разведотделе станут задавать лишние вопросы, то скажем, что немцы убиты при попытке к бегству. А что с нас взять... Мы были головорезами... И это факт. Все «ломом подпоясаны»... Все разведчики, участвовавшие в этом поиске, были награждены.

– **В роте существовало «соцсоревнование» между взводами, кто больше «языков» захватит?**

– Такого не было. Все делали одно общее дело. Например, второй взвод возьмет в плен офицера, так мы вместе радуемся. Примите во внимание, что очень часто за каждого взятого «языка» мы платили жизнями своих товарищей – разведчиков. Тут не до «взаиморасчетов» было.

– Как шел зачет «языков», взятых разведчиками роты? Знали ли вы о существовании так называемой «нормы» для разведчиков на представление к званию ГСС за 20–25 взятых «языков»?

– О таком приказе я не слышал. Я был занят войной и наградами не интересовался. Зачет взятых «языков» шел на ту пару разведчиков из группы захвата, которые непосредственно взяли «языка». Группе прикрытия засчитывалось участие в поиске. Всю канцелярию «по зачетам» вели в штабе и в разведотделе дивизии. Зачетным «языком» считался только пленный, взятый в подготовленном поиске в условиях стационарной обороны противника. А если ты в бою взял в плен «полвзвода или полбатареи» немцев, то они зачетными «языками» не считались. Поэтому когда я слышу цифры, что разведчик Фисатиди взял 150 «языков», а еще кто-то, Герой Союза, имеет на счету свыше 80 «языков», то я не знаю, как к таким данным относиться. Чтобы успеть взять такое количество «языков», надо быть трижды бессмертным и суперсчастливым. Для человека, воевавшего несколько лет в разведке, цифра в 25–30 «языков» на личном счету мне кажется максимальной. Лимит жизни и удачи для разведчиков был ограничен. Потом любого удачливого разведчика обязательно убивало или калечило.

– Как вели себя в плену немецкие военнослужащие, захваченные бойцами дивизионной разведроты?

– Разные попадались немцы. Было немало пленных, державшихся в плену гордо и достойно, но в основном, конечно, многие «языки», попавшие в руки разведгруппы, были в шоковом состоянии и с перепугу забывали и о присяге, и о гордости, и о своей немецкой родной маме. Особенно если немец видел, что попал в плен к евреям, то страх его был ужасен. Немцы боялись, что евреи их на месте порешат. Вот вам фотография для примера. Разведчики допрашивают немца. Рядом с «языком» стоят разведчик Яскевич, лейтенант Акерман и переводчик Пактор. Все, как говорится, «ребята с нашей синагоги». Что немец мог от них ожидать?! Шоколадки? Или заслуженной пули в живот? И ничего, если позарез требовался «язык», мы оставляли немца в живых. Работа у нас была такая...

– Я не зря задал этот вопрос. Встречался в свое время с двумя бывшими бойцами дивизии, и они утверждают, что, например, во 2-м батальоне 249-го СП вообще старались пленных никогда и ни при каких обстоятельствах не брать.

– Это не совсем так, я думаю, эти люди немного преувеличивают. 2-й батальон 249-го СП долгое время считался чисто еврейским, и когда солдаты пришли на землю Литвы и узнали, что все их родные уничтожены, то жажда мести была очень велика. И какой-то период действительно в плен в этом батальоне никого не брали. Не забывайте, что 96 % еврейского населения Литвы было уничтожено немцами и их пособниками. Но вскоре слава о батальоне пошла по армии, налетели проверяющие из политотделов и Военного совета. Комбата, как я слышал, с трудом «отбили» у трибунальцев и даже хотели отозвать его представление на Героя. Но кроме этого случая, я не помню рассказов или примеров о том, что солдаты 16-й СД массово стреляли пленных, взятых в бою. Другое дело «власовцы», но здесь был принят общий «фронтовой стандарт». Идешь по лесной дороге, а на деревьях висят повешенные «власовцы» с табличками на груди: «Изменник Родины». Такое я видел. Когда мы зашли в Литву, то нередко захваченные в плен полицаи или служившие в карателях «погибали при попытке к бегству». И то всех не убивали... Но военнослужащих вермахта в расход у нас никто «пачками не пускал».

Разведчики допрашивают немца. Рядом с «языком» стоят разведчик Яскевич, лейтенант Акерман и переводчик Пактор

– Как щедро в вашей дивизии отмечали разведчиков правительственными наградами? Каких наград удостоились вы лично за службу в разведке?

– Вопрос непростой, и увольте меня сейчас начинать обсуждение наградной темы, а то я, не ровен час, скажу кое-что лишнее. В 1943 году я был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», в 1944 году получил орден Отечественной войны. Имею еще польский орден «Крест Грюнвальда». Ладно, скажу вам еще одну вещь. Дивизия наша была «местечковой», но... Невзирая на атмосферу интернационализма в дивизии, евреи все равно считались национальными кадрами «второго сорта», и каждый наградной лист на еврея рассматривали через лупу, и евреям ордена за подвиги давали скупой и со скрипом... Евреев награждали, только когда уже начальству деваться было некуда, слишком очевидна и весома была боевая заслуга. И то после третьего наградного листа... У нас даже в роте была частушка-прибаутка. Служат рядом еврей Скопас и литовец Скобас. Вот и шутили: «Представляли Скопаса, а наградили Скобаса»... Так было...

– Как разведчики относились к возможной смерти в разведпоиске?

– Мы относились к смерти спокойно. Знали, что рано или поздно нас не минует чаша сия. Но не было ни одного случая явной трусости в нашей разведроте. Свои бы сразу труса пристрелили... Для нас главным было выполнить задание, о своей жизни никто не думал и себя не жалел. А каждый поиск для нас – это обязательная встреча со смертью. Кто кого... Часто разведчики рвались на минах, но в основном гибли при отходе к своим или прямо перед немецкими траншеями, будучи обнаруженными противником. Было несколько случаев, когда немцы сознательно, без боя, пропускали нашу разведку в свой тыл и там вырезали разведчиков или пытались взять их в плен. Какие-то смутные надежды выжить у меня все-таки были. Таскал в поиски в кармане гимнастерки как талисман-оберег свою первую награду, медаль «За отвагу», хотя все награды полагалось сдавать старшине роты перед каждой операцией. И эта медаль спасла меня от стопроцентной смерти. Осколок гранаты, летевший прямо в мое сердце, покорежил медаль, вырвал из нее кусок металла и изменил свою траекторию, попал в легкое. Так и сидит этот осколок в левом легком по сей день.

– Расскажите об этом эпизоде поподробней.

– 12 января 1945 года, за несколько дней до переброски дивизии из Курляндии под Клайпеду, я получил приказ немедленно взять свежего «языка». Понимаете, мне приказали «немедленно»! Даже не дали времени подготовить поиск или дожждаться ночи. По опушке леса шла линия немецкой обороны, которую держали войска СС. Пошли днем на участке 156-го СП, вел за собой 17 человек. Ворвались незамеченными к немцам в траншею... и началась рукопашная схватка. В итоге убили 29 немцев, а «языка» не взяли. Всех побили в «горячке боя». Наши потери – трое убитых, двое тяжелораненых. Я успел убить в рукопашной пятерых немцев, но не успел среагировать на эсэсовца, выскочившего из-за поворота траншеи и метров с пяти кинувшего в меня гранату. Достал меня, курва немецкая. Дальше – взрыв, боль и полный провал... Очнулся в госпитале на третьи сутки, весь пораненный осколками, с перебитыми костями. Долго не мог понять, на каком свете я нахожусь. Хирург, оперировавший меня, принес мне мою покореженную медаль и сказал: «Если бы не медаль, тебя бы в живых не было, осколок должен был точно в сердце попасть!» Отправили меня в тыл «санлетучкой». Рядом со мной лежал раненый и обгоревший, ослепший капитан-танкист без обеих рук и без ноги... Я был полностью закован в гипс. Через месяц снимали гипс по частям и иссекали язвы и струпья, руки и ноги закрыли гипсовыми «лангетами». Когда 9 мая объявили о Победе, я на радостях пытался пуститься в пляс, сорвал с себя все «лангеты»... Медработники меня снова «определили» в гипс. Прошло еще два месяца, прежде

чем меня выписали из госпиталя. Дали 30 дней отпуска на долечивание. Поехал к тетке в Куйбышев, а оттуда уже вернулся в Литву, в свою 16-ю Литовскую Краснознаменную Клайпедскую дивизию.

– ***При каких обстоятельствах погиб командир разведроты Барабаш?***

– Это случилось уже во второй половине 1944 года. Дивизия шла маршем в полковых колоннах. Впереди пустили нашу разведроту. Сплошной линии фронта не было, и где точно находятся немецкие позиции, мы не знали. Женя Барабаш был отменный танцор, весельчак, но больше всего он обожал лошадей. Увидел Барабаш в бинокль на опушке леса красивейшую лошадь белой масти. Рядом с ней примерно человек двадцать-тридцать немцев. Барабаш нам приказал: «Немцев всех режьте, а лошадь чтоб целой осталась!» Мы пошли на захват, человек двадцать пять. Немцев всех поубивали, но лошадь тоже угробили случайной автоматной очередью. Но самое страшное, что эта группа немцев была частью грандиозной засады, выставленной на 16-ю СД, шедшую маршем. У немцев не выдержали нервы, и по разведроте они открыли огонь из танков, орудий, пулеметов. Зажали нас в ужасные огненные тиски, нам в те минуты белый свет показался с копейку.

Медаль «За отвагу», спасшая жизнь Шалому Скопасу

Каким-то чудом часть разведчиков уцелела. Полки дивизии успели остановиться и развернуться в боевые порядки и не попали в подготовленную западню. Получается, что своей «авантюрой с лошадью» мы спасли дивизию от полного краха и раскрыли немецкие позиции и расположение засады. Разведрота отошла с большими потерями. Погиб командир 2-го взвода Ивашквичус, литовец из Ленинграда, был тяжело ранен мой товарищ, ветеран роты Бакас. Много народа у нас погибло в тот день. А командир роты Барабаш получил ранения в грудь и обе ноги. Мы вытащили его с поля боя. У Барабаша началась гангрена, в госпитале ему предложили ампутировать ноги, но он отказался и через несколько дней умер... Его смерть была горем для всех бойцов роты... Выжившим разведчикам вручили ордена за этот бой, но мы даже надевать тогда их не стали. Нам было больно на душе, что мы не уберегли Барабаша...

– ***По вашему мнению, пыталось ли как-то фронтовое начальство сохранить дивизию в мясорубке сражений до вступления на территорию Литвы или отношение к национальному формированию было как к обычной стрелковой дивизии?***

– Я считаю, что никаких поблажек дивизии не делали. Бросали ее все время в самое пекло боев. Единственное, что мне представляется теоретически возможным, что с подачи политорганов старались после трагедии под Алексеевкой не допустить полного истребления дивизии. Да и в самой дивизии, хоть и очень пытались с Курской дуги воевать грамотно, все равно, по большому счету, людей никто не жалел. До сих пор не могу забыть один случай в Белоруссии, происшедший на моих глазах. Батальоны залегли под сильным немецким огнем и не могли подняться в атаку. В передовую траншею пришел командир полка полковник Владас Мотиека, будущий комдив 16-й СД, пошел в полный рост, потом достал пистолет и... застрелил подряд пятерых солдат, лежавших в траншее. И люди пошли снова в атаку. Е1о можно ли с позиции нынешнего времени оправдать поступок Мотиеки? Под Полоцком послали в немецкий тыл 1-й батальон 249-го СП брать штурмом штаб немецкого корпуса. Подобные попытки уже предпринимались, и немцы были «готовы к приему гостей».

Послали батальон по старому, «засвеченному» маршруту, через лес, зажатый с двух сторон озерами, прекрасно заранее зная, что ничего не получится, но штаб дивизии строго

выполнял приказ корпусного начальства. И нет больше 1-го батальона... Когда пленных бойцов батальона – евреев, офицеров и коммунистов – немцы повели на расстрел, то один из наших, Хаим Душкес, смог убежать. Кинулся в озеро и благополучно переплыл его в утреннем тумане. Немцы стреляли в него, но попасть не смогли. И что вы думаете! Через несколько дней нашей дивизии снова «оказали высокую честь» и снова приказали направить в немецкий тыл уже два батальона по той же тропе с тем же боевым заданием!.. Так что никто Литовскую дивизию не оберегал и не опекал. Воевала наша дивизия как любая другая обычная стрелковая, хотя я могу с гордостью сказать, что 16-я СД воевала лучше, чем многие другие.

– ***Куда вас направили служить после возвращения из госпиталя?***

– Вернулся в дивизию. Нас отобрали 25 человек, ветеранов дивизии, направили на ускоренные трехмесячные курсы политработников и комсогов. После окончания курсов все получили офицерские звания и назначение в 50-ю стрелковую дивизию, составленную из жителей республики, призванных в армию уже после войны. Контингент там был сложный, но об этом сейчас говорить не стоит. Вот нас, бывших фронтовиков, владеющих литовским языком, послали в эту дивизию для политработы. В начале 1947 года я демобилизовался из армии. Только нашел работу и встал на учет в райкоме партии, так меня сразу как коммуниста мобилизовали на укрепление Советской власти на селе. Раз в месяц посылали на 10–15 дней в сельские районы: то на проведение хлебозаготовок, то на помощь в проведении займа или выборов, и так далее. А война с «лешке бролес» – «лесными братьями» – в 1947–1948 годах была очень кровавой. Иногда мне казалось, что это хуже фронта. Смерть на каждом шагу и из-за каждого угла или дерева. Приезжаешь на хутора, тебе улыбаются, чуть ли не руки целуют, только отвернулся, сразу получаешь пулю в спину или топором по затылку... У меня был бельгийский пистолет. Одной рукой жмешь протянутую селянином руку, а в другой пистолет сжимаешь. Всегда патрон в стволе... Вы даже себе не представляете, сколько активистов, партийцев, советских работников, пограничников и представителей органов погибло в той «лесной войне» в послевоенной Литве. Можете смело любую опубликованную статистику помножить на три...

– ***Вы были коммунистом, фанатично верящим в партийные идеалы, и ярким сторонником Советской власти. Почему в пятидесятые годы вы решили покинуть СССР?***

– Когда после войны началась разнузданная и дикая антисемитская истерия по всей стране: изгнание евреев с работы, чистка армии и советских органов от обладателей «пятой инвалидной графы», «борьба с космополитами», «дело врачей», разгром ЕАК и так далее, я все равно продолжал слепо верить партии и ее руководителям. Когда скончался Сталин, я рыдал, и не было предела моей скорби... Но когда в начале 1953 года мой товарищ Окользин, бывший подполковник, после войны работавший в руководстве ж/д, привел меня на станцию и показал сотни пустых вагонов-теплушек, стоявших на запасных путях и в вагонном депо, предназначенных для депортации евреев в Сибирь и ожидающих своего часа, то у меня внутри, в душе, за какое-то мгновение будто все выгорело... И при этом Окользин сказал, что на днях ожидается директива из Москвы об окончательном решении вопроса с «космополитами». И я сказал себе: «За эту страну я воевал, резал врагов и проливал кровь, свою и чужую. И если эта страна так поступает с моим народом, то в ней я жить не желаю!» И дал в ту минуту себе слово, что буду жить только на своей земле. А слово я всегда сдерживал. Первым порывом было просто пройти через три границы. Я был уверен, что, с моим навыком разведчика, пройду советско-польскую и польско-германскую границы, а там до Запада, как говорится – рукой подать. Но я осознавал, что мои товарищи пострадают и будут подвергнуты репрессиям, если власти каким-то образом узнают, что я подался на Запад, или если меня схватят на границе. Я не хотел подставлять своих друзей. Уехал легально, через

Польшу, с волной «польской репатриации из СССР». В 1959 году сошел в Хайфе с трапа парохода, и так началась моя жизнь в Израиле.

– На стене вашего кабинета висит в центре на ленте ваша медаль «За отвагу» и ваша фотография 1942 года – совсем еще мальчишка в красноармейской форме. Часто вспоминаете фронтовые годы?

– Конечно. Ностальгия по тем годам и по фронтовым друзьям меня никогда не покидала. Скучаю по русскому народу, который очень люблю. Раньше летал в Россию, а сейчас врачи запрещают летать... Здоровье уже не то... Жаль, что многое не вернешь... Знаю одно, что нет для меня в жизни ничего дороже тех дней, когда мы вместе – русский, литовец, еврей, украинец – шли в смертный бой, не щадя себя, чтобы спасти мир от фашистской чумы.

Хваткин Николай Григорьевич

Я родился в Горьковской области. Мы жили в Москве бедно, и мать в 1925 году уехала рожать в деревню. В 1941 году я перешел в 9-й класс. Началась война. Отец и старший брат ушли на фронт. А мы, два младших брата, я и мама, остались. От Железнодорожного района ездил под Волоколамск, копать противотанковые рвы. Еле ноги унесли оттуда. Копали и копали. Потом пришли, легли спать. Прибегает офицер: «Встать! Бегом! Немцы!» Вскочили кто в чем, как попало. Куда бежать? До железной дороги добежали, а там нас всех остановили и опять повели копать, но уже пехотные траншеи. Мы еще день копали окопы. Опять сказали: «Бежим! Немцы!» В общем, вернулись в Москву без потерь. Иждивенцы получали 250 граммов хлеба в день. Остальные карточки отоварить можно было с трудом. Чтобы получить рабочую карточку, я был вынужден уйти из 9-го класса в школу рабочей молодежи и поступить на военный завод штамповщиком. Тут уже стал получать 650 граммов хлеба. Во время паники мама сходила на вокзал, поняла, что с детьми ей не уехать – все поезда были переполнены, ни денег, ни хлеба не было, – и приняла решение остаться. Так мы и остались.

11 декабря 1942 года вызывает военком и говорит: «Надо идти. Поедете в город Марта Удмуртской АССР. Туда перевели Второе московское пулеметное училище. Годик там отучитесь, получите 10 классов, кубик младшего лейтенанта и поедете на фронт офицером». Мы проучились месяц, как вышел приказ Сталина: «Курсантов всех училищ – на фронт!» Привезли нас под Тулу. Из 16-й Литовской дивизии пришли «купцы». Начальник разведки дивизии

Беленький лично подбирал ребят: «Откуда?» – «Из Москвы». – «Хочешь в пешей разведке воевать?» – «Хочу!» – «Выходи из строя». Надо сказать, что к москвичам отношение было особое, уважительное. Вот так я попал во взвод пешей разведки 249-го полка. В дивизии было три полка: 249, 167 и 156-й. Первые два полка были самыми боевыми. Самые ответственные задания командир дивизии доверял только им. 156-й был слабее. Там командир полка Сметоновский – офицер, и, судя по всему, офицерский состав там был не такой, как в этих двух.

Во взводе ребята были постарше меня. В основном 1922–1924 годов рождения – плотные, здоровые бойцы. Пришел я туда необстрелянный, «зеленый». Начались тренировки под руководством уже битых разведчиков. Меня учили, как надо ползать, как оставаться незамеченным. Учили ходить по лесу так, чтобы не хрустнула ни одна веточка. Часто брали в нейтральную зону.

Первый командир взвода был литовец. Вскоре он ушел командиром роты. После него пришел русский. Мы его очень берегли – хороший, способный командир. Всю войну отвоевал, но так и остался старшим лейтенантом. Если бы пошел на роту, батальон, он бы закончил войну полковником. Но никуда из разведки не пошел, по-видимому, из-за того, что к нему так хорошо относились. Мы его почти никогда не брали с собой. Знаешь почему? Мы не хотели его потерять. Потому что мы с ним все вопросы спокойно решали. Командир полка поставил ему задачу: «В течение трех суток взять «языка». Он всегда соберет взвод, объяснит ситуацию. Потом мыходим в пехоту, пронаблюдаем за передним краем. С группой, которая пойдет, обсудит, где брать, как ползти. Когда мы уходим в поиск, то он почти всегда оставался с пехотой нас ждать. Заместителем у него был литовец Даукша. Бывший секретарь райкома. Всю войну прошел заместителем командира взвода. Был ранен два или три раза. Прекрасный человек. Воевал безукоризненно. После войны стал секретарем Винницкого горкома партии.

Во взводе было примерно половина литовцев, русские, один татарин. Отношения у нас были прекрасные, доверие полное. Но, конечно, командир взвода больше доверял таким

битым, толковым, смелым, как сержант Федотов, Даукша. Вася Федотов – простой парень из Сызрани. Образование у него было семь классов. Очень смелый парень, отчаянный, любил броски, поэтому у него были потери. Как-то они пошли за «языком». Удачно все сделали. Лысенко представил его к Герою, и Вася получил звание.

Даукша хитренький был, никогда на рожон не лез, старался подползти максимально близко и работать наверняка. Если он взял одиннадцать человек, то и назад приведет одиннадцать...

В разведке можно быть хитрым, но не трусом. Наша война всегда на короткой дистанции. Поэтому раненых у нас меньше, чем в пехоте, в основном убитые. Раненые появлялись, если после захвата не успевали отойти и немцы начинали бросать гранаты. Они у них с длинной ручкой – можно кинуть на 50–70 метров. Поэтому если брали немца из передней траншеи, то делали так. Группа захвата – человека четыре (в нее входили обычно Федотов, его друг татарчонок и другие) – максимально близко подползала к траншее, чтобы можно было лежа закинуть в нее гранату. Мы, группа обеспечения, держались чуть поодаль. По команде забрасывали траншею гранатами. Немцы падали. Группа захвата прыгала в траншею, хватала «языка». Мы по краям стреляем вдоль траншеи, не даем немцам подойти. Группа захвата с немцем бегом выходит из зоны поражения гранатами. Мы прикрываем огнем и тоже отходим.

Нейтральную зону тоже надо проскочить в максимально короткий срок. Она вся пристреляна артиллерией, которая быстро открывает огонь.

Чтобы немца не тащить, делали просто. Петлю на шею, чтобы не кричал (кляп – это глупость, сделай кляп, так он будет мычать так, что за три километра услышат), и перочинным ножом в зад. Кольнул его – он тебя обгонит. Два-три раза кольнул, он уже в нашей траншее. Ну, придет этот немец, начинает жаловаться, показывает, что у него зад в крови. Ну и что?! Надо было идти – и зад был бы цел, и крови бы не было. А так попробуй его тащить?! И потом, немцев по сорок килограммов не было – они все здоровые.

Самое обидное, если при отходе убивало «языка». Когда из нас кто-то погибнет, не так страдали, как страдали, когда теряли «языка». Ведь что такое потерять «языка»? Это целая проблема! Надо по новой идти! Куда идти? В этом месте нас уже ждут. Другое место пойдешь найди. Свои тоже начинают: «Да как же так?! Как же вы его упустили?!»

– Какой национальный состав был в дивизии?

– Во взводе было человек 10–12 литовцев, а остальные – русские. После тяжелейших боев на Орловщине, где от дивизии практически ничего не осталось, пополнение было русское. Не меньше 50 % стало русских. Когда вошли в Литву, то тут опять стали пополняться литовцами.

Я несколько не жалею, что воевал в этой дивизии. Дисциплина в ней была железная. Всякое было – и наступали, и отступали, но в целом не помню, чтобы были дезертиры или перебежчики. Был один случай, когда к немцам убежал телефонист – и все. Не помню, чтобы в спину стреляли. Даже в Литве, когда набрали литовцев, новобранцев. Они хорошо влились в состав дивизии, растворились по ротам, батальонам.

Ко мне лично отношение было очень хорошим. Я учил литовский, поскольку обращаться к старшим офицерам нужно было по-литовски – многие не знали русского языка. Те солдаты, что приходили на пополнение в Литве, тоже не знали русского языка. Через три месяца я уже знал все команды, а через год я владел литовским языком так, что никто не догадывался, что я русский. Тем более я и волосы стриг под литовцев.

– Кто командовал полком?

– Первого командира я не помню. Потом был Федор Константинович Лысенко. Он был такой... мужичок, совершенно неинтеллигентный – мог и матом запустить, но очень толковый и храбрый. Никогда не ходил пригнувшись. Когда Виленский стал начальником штаба,

он ему говорил: «Что ты ходишь буквой «г»?! Ходи прямо!» Виленский на это обижался: «Я не дурак и вам не советую ходить в открытую. Пуля – дура». Погиб он потому, что постоянно был с пехотой, впереди...

Так вот, под конец войны по его приказу полк перешел к ночным действиям. Допустим, брали небольшой городок Науместис. Населения в нем, может, тысяч 10–20, но все-таки город. Обороняла его немецкая танковая часть. Он нам приказал ночью заползти в тыл к немцам и поднять панику. Короткая артподготовка (вот тут нам досталось, когда «катюша» начала стрелять. Попыдали в колеи от танковых гусениц и все выползли живые), и полк броском атакует с фронта. Взяли город, потеряв всего около сотни человек. Захватили шестнадцать танков!

Когда погиб Лысенко, Вольф Виленский принял полк. Он продолжил дело Лысенко.

Клайпеду тоже брали ночью. С моря город атаковал дивизион торпедных катеров, а мы с суши в 4 утра. Взяли город практически без потерь. Матросы с катеров сначала относились к нам с презрением – шшивота, а потом мы с ними подружились. У нас был обмен: мы им – трофеи, а они нам из Ленинграда «горючее» и хорошую закуску.

– Говорят, что 249-й полк считался чисто еврейским?

– Еврейским был первый батальон Виленского. Он хитрый был. Всех смелых, шустрых евреев подбирал. И у него в батальоне было примерно 70 % евреев и 30 % русских и литовцев. Роты у него возглавляли евреи. Я помню командира 9-й роты капитана Гроссмана. В полку его рота была самая боевая. Все особые задания, прорывы и переправы поручали только ей. Виленский старался, видимо, чтобы Гроссману дали Героя, но не получилось. Хотя Гроссман имел четыре ордена.

Не обходилось и без стычек. Как-то раз мы ходили в разведку через Гроссмана. Сказали, что мы уползаем, не спать, потому что будем возвращаться под утро. Говорит: «Идите, не бойтесь». Когда возвращались, по нам открыли огонь... Хорошо, что никого не зацепило. Мы ему сказали, что в следующий раз за такое просто убьем. Потом он уже сам ждал в окопах, пока мы придем.

Второй раз Виленский приказал мне провести разведку боем. Говорит: «Гроссман легко ранен, ты поведешь роту».

Что такое разведка боем? Пехота атакует, а мы под шумок хватаем «языка» и отходим. Мы это дело не любили. Потому что разведка боем всегда с потерями и среди пехотинцев, и среди нас. Поэтому я сказал, что людей Гроссмана я не поведу. Почему я должен нести ответственность за них? Гроссман на меня: «Я тебя расстреляю!» – «Ты не сделаешь этого. А если меня расстреляешь, через полчаса тебя не будет. Давай по-хорошему будем договариваться».

Вообще, евреи воевали нормально: к немцам никто не бегал, в плен им попадать тоже нельзя. Конечно, они головастые, хитрые, берегли себя и старались беречь солдат. Но все самые опасные поручения все равно давались русским. Не то чтобы берегли евреев, нет, не из-за этого. Русские смелее были. Эти были поумнее, а русские посмелее. Меньше за жизнь держались.

– Почему вы ушли из полковой разведки?

– Поссорились. Федотов повел группу за «языком». Впереди полз Казаков, я – за ним. То ли он испугался, то ли что... Не знаю. Немцы не стреляли. Он повернулся и громко шепнул: «Атас!» Я повторил его команду. Все развернулись, обратно поползли. Когда выползли, спустились в траншею, стали разбираться. Казаков говорит: «Ты не правильно меня понял». Я говорю: «Давай не ври». Операция была сорвана. Командир полка втык сделал, да и самим было неприятно, что так все получилось. Когда нас стали обвинять во всех смертных грехах, я ушел в дивизионную разведку. Сначала хотел в 167-й полк уйти. Там очень хорошая была

полковая разведка, и ребят я хорошо знал, но Скопас переманил. Мы с ним подружились еще до моего перехода.

В разведроту поставили на учет. Позвонили в штаб полка, сказали, что такой-то теперь здесь. Все. Какая разница, с кем ползать? В дивизионной разведке приняли меня хорошо. Кстати, в роте было не менее 50 % евреев. Ребята хорошие, обстрелянные, со знанием немецкого языка. Со Скопасом мы почти до конца войны ходили вместе на операции. Хороший, толковый парень, смелый, талантливый. Уж если с ним пойдешь, то в спину никто не выстрелит. Он, конечно, щупленький, так что, если бы мне пришлось его тащить, мне было бы легче, чем ему. У нас какой был порядок: в случае ранения он за меня отвечает, а я за него. Мы же никогда своих не бросали. Даже погибших вытаскивали – сами должны похоронить, по-человечески. Такой был закон у разведчиков. Слава богу, нам не пришлось друг друга тащить.

– **Как погиб командир роты Барабаш?**

– Я в то время еще в полковой разведке воевал. Капитан Барабаш был талантливый, смелый, очень уважаемый офицер. Но немножко такой: «Вперед!» Говорили, что он сидел, потом был отправлен в штрафной батальон и уже оттуда прибыл в дивизию и возглавил разведроту. Погиб по своей дурости и ребят положил... Двенадцать человек тогда погибло.

Дивизия шла в наступление. Они, конечно, шли первыми. Заметили в лесу немецкий обоз. Он приказал снять пилотки – и вперед! А там траншея 1941 года заросшая, а в ней батальон немцев... Их в упор из пулемета и положили. А если бы шли нормально, как разведчики. Залегли, проверили, остановили дивизию. Подползли, узнали...

Жена его не могла поверить, что он погиб. Говорила: «Это не тот человек, которого можно убить». Пока ей тело не показали – не верила. Потом собрали, у кого что было. Все отдали, снимали все, часы... Наложили ей мешок... Дети ж были... Проводили ее.

– **Как часто ходили в поиски?**

– Выползать на нейтральную зону и изучать немецкий передний край приходилось почти каждый день, даже зимой... По уши в снегу лежали. Конечно, меняли друг друга. О результатах наблюдений докладывали командиру полка. За «языком» ходили не часто.

– **Разведчиков использовали как пехоту?**

– Нет. Ни разу нас не использовали как пехотинцев. Нас все-таки берегли. Разведка – это глаза и уши полка, дивизии. Нет разведки, значит, командир полка ничего не будет знать. Пехота ему ничего не расскажет.

– **Самый страшный эпизод?**

– Форсирование Немана. Те, кто после него выжил, на предплечье сделали себе татуировку «12.09.1944». Вот смотри...

Форсировать реку было полнейшим безумием. Но ведь как... вперед бога мать! Наш берег пологий, песчаный, немецкий – отвесный. Приготовили резиновые шлюпки, погрузили пехоту. От взвода пошла группа на двух шлюпках. Нас же не слышно и не видно, а пехота... То чем-то загремят, то по воде веслами шлепнут. Немцы дали нам выплыть на середину реки... Страшнее мы ничего не видели... Неман весь вскипел. Мы попрыгали из лодок. По течению человек девять нас выплыло в расположение соседней дивизии. Стали подплывать к берегу, а оттуда пехота из пулеметов по нам начала лупить. Мы их обматерили – огонь прекратился. Вытащили нас на берег – и в СМЕРШ. Потом сообщили в дивизию, из дивизии приехал начальник разведки и нас забрал.

– **Какие награды вы имеете?**

– Сначала мне дали значок «Отличный разведчик», хотя все за тот поиск получили ордена. Я не возмущался – молодой еще. Следующая награда – медаль «За отвагу». После этого орден Красной Звезды и орден Отечественной войны. Для рядового солдата, а я был рядовым, это очень много. В дивизионной разведке все ребята имели примерно одинаковые

награды. Только двое из ста получили ордена Красного Знамени. Командир взвода получил орден Красного Знамени уже в 1945 году.

– **Сколько на вашем счету «языков»?**

– Вот разведчик Герой Советского Союза Карпов говорит, что он взял 250 «языков». Я отползал от и до в пешей разведке, но наш взвод за всю войну взял только 27 человек! В наступлении в плен мы тоже брали взводами. Один раз пленили 150 человек. Но «языков» взять 250?! Да и зачем они нужны?! «Язык» нужен, когда немцы уперлись, оборону построили, а нам надо ее прорывать. За всю войну 27 «языков» взяли, и больше не нужно было ни командиру дивизии, ни командиру полка. Если нужно было бы больше, взяли бы больше. Но надобности в этом не было.

– **Ходили с орденами или без?**

– С орденами ходили, чтобы только не брякали. Медаль на груди вместо крестика.

– **Из нового пополнения как происходил отбор в разведку?**

– Только по желанию.

– **Кто ставил задачу разведчикам?**

– В полку – командир полка, а в дивизии – начальник разведки дивизии подполковник Беленький. Очень хороший человек. Если, допустим, сложная операция, то он всегда приходил, провожал. Слушал, какое напутствие давал командир взвода, командир роты. За такое отношение к нам мы его очень любили. Отец был наш. Потому и погиб, что не сидел в штабе дивизии, а ходил по полкам.

– **Как были вооружены разведчики?**

– Мы предпочитали наши автоматы. Для немецких надо было доставать патроны, да и капризные они. А наши надежные – и в снегу, и в песке, все равно стреляют. В диске опять же 72 патрона. У всех были немецкие пистолеты. Обязательно брали с собой гранаты. Группа захвата вообще брала только пистолеты и гранаты. Конечно, ножи были у каждого. Немецкие штыки не брали – куда такой здоровый? У нас были хорошие наши ножи. Более того, во взводе был мастер, который сам делал ножи, очень удобные, точные.

– **Сколько с собой брали гранат?**

– Если за «языком», то не меньше четырех лимонок. Другие гранаты не брали.

– **Как были одеты?**

– Ходили, в чем удобно выполнить задание. Требований особых не было. Старались одеваться максимально легко. Зимой в гимнастерках, свитерах, ватниках и ватных брюках. Обязательно надевали маскхалат. Когда ползешь за «языком», холодно не бывает. Это если приползешь и приходится ждать 30–40 минут, тут становится немножко прохладно. На ногах ботинки. Обычно их брали на размер больше и надевали на шерстяной носок. В сапогах, и тем более в валенках, не поползаешь – снег набивается, а в ботинки снег вообще не попадает. Летом – гимнастерки, бриджи. Маскхалатами пользовались редко. На ногах кеды или резиновые тапочки... Помню, Барабаш всегда носил зеленые пограничные погоны. Хотел выделиться. Каски не носили.

– **Продукты брали?**

– Только если далеко в тыл ходили, тогда брали сухой паек, шоколад. Банки не брали – звенят.

– **Какая-то мода была?**

– Литовские офицеры придерживались той моды, которая у них была в сметоновской армии. Гимнастерки обязательно с резинкой сзади. Волосы длинные, коротко не стриглись. Мы тоже старались на них походить, а им было приятно, что мы соблюдаем сметоновскую форму. Документы у нас были на литовском языке. После ранения с ними возвращали только в свою дивизию.

Вообще, солдаты уважали литовских офицеров... У нас был один русский, старший лейтенант, командир роты. Орет «Вперед!», а сам лежит. Ну, его в спину и пристрелили.

– **Взять «языка» – это работа в обороне. Какая функция разведзвода в наступлении?**

– Мы всегда идем первыми. Без нас командир полка или командир батальона не поведет солдат. Под Клайпедой переходили по льду Неман. Мы прошли нормально, а потом сошлись двенадцать человек что-то обсудить, и лед под нами стал играть. Мы тут же послали связного в полк, чтобы ни в коем случае не шли взводами и ротами, рассредоточились по фронту. И что ты думаешь? Все равно одна рота пошла строем. Взвод провалился, и много народу потонуло.

Надо сказать, что мы всегда передвигались пешком. Не пользовались никаким видом транспорта. Пеший разведчик должен ходить только пешком. У всех ноги были хорошие. В день пройти 50–60 километров – это прогулка, если, конечно, налегке.

Единственный раз Федотов у высокого начальства, чуть ли не у командира корпуса, украл лошадь. Он вообще русский человек, но как цыган. Мы его конокрадом звали. Прискакал в разведку. В течение суток эту лошадь, естественно, нашли, и Федотова взяли. Начальник разведки дивизии спас его. Убедил командование, что это ценнейший разведчик, а то пошел бы в штрафную.

– **Бывало такое, что вы ходили на несколько дней?**

– Конечно. Были диверсионные задания. Однажды нам поручили напасть на батарею дальнобойных орудий. Выполнили.

– **С немецкой разведкой приходилось сталкиваться?**

– Да. Были случаи. Не было так, что расходились мирным путем. Один раз немцы не стали ввязываться, сразу развернулись и поползли к себе. Естественно, мы вперед, бога мать...

Немцы редко за «языком» ходили. Чаще они проводили разведку боем. Короткий огневой налет и бросок. Пехотуру всегда, особенно где нейтральная зона очень короткая, предупреждали, чтобы были внимательными.

– **Как вы оцениваете качество немецкой разведки? Немцев как противника?**

– Дисциплина у них на высшем уровне. Серьезный, грамотный, подготовленный противник.

– **Тренировки по рукопашному бою были?**

– Очень часто, особенно летом. У нас были ребята, которые в совершенстве владели рукопашным боем, умели пользоваться ножом. Барабаш заставлял на себя идти с ножом и бить по-настоящему. Был такой случай. Взяли здорового немца. Он показания в полку сделал, а в дивизии сказали, что он не нужен. Командир полка его нам отдал. Вышли. Командир взвода приказал Казакову: «Давай его ножом». Казаков пошел на него с ножом. Ты думаешь, он что-нибудь сумел сделать? Он Казакова сразу положил, но не зарезал – оттащили. Лейтенант посмотрел, что немец опытный и с ним шутить нельзя. Говорит немцу: «Уходи, мы тебя отпускаем». Когда он побежал в сторону леса, лейтенант приказал Казакову открыть огонь из автомата. Пошли, проверили, что убили. Дошло это до дивизии, и командиру взвода за расстрел попало...

А Барабаш стрелял. Допросит и тут же на месте расстреливает. Он говорил, что все немцы, которые воевали с оружием в руках против нас, подлежат уничтожению. И командир дивизии вообще ничего не мог с ним сделать. Вот такой был. Марш-бросок на 30–40 километров выматывает. После него все валяются спать. Барабаш подойдет к офицеру, украдет документы, автомат. Тот просыпается, у него ничего нет. Бегает, ищет. Барабаш все ему вернет и отчитает за беспечность. Ему это сходило с рук, потому что его очень уважал командир дивизии.

Кроме рукопашного боя, были постоянные тренировки по бегу.

– **Бывало невыполнение задания?**

– Было. Допустим, наблюдали два дня за одним участком. Решили идти, а обстановка изменилась. Немцы могли отойти или минное поле поставить, проволоку натянуть. Какой смысл идти, если не возьмешь «языка»? Значит, тихонечко отходили. На следующий день находили другое место и шли, выполняли задание. Командир полка Лысенко, а потом Виленский никогда не упрекали, не гнали. Правда, Виленский, когда стал командиром полка, изменился, стал требовательнее. Ну, дали ему понять, что с нами связываться не стоит. Стырили у него повозку с его барахлом и в овраг пустили. Она разлетелась. Для нас убрать человека ничего не стоило. Три копейки. После этого он стал спокойнее. Поставил задачу, определил срок – все! Будет у тебя «язык».

– **Какие были суеверия?**

– Водку я не пил, но стал курить. Нам давали папиросы, махорку. Все курят, и я тоже. Перед заданием покурю, слюной загашу папироску, спрячу. Приду, найду чинарик, докурю. Я об этом никому не говорил, но всегда так делал. Один раз пришел, а моего чинарика нет! Я не спал, несколько дней не мог места себе найти. Думал, что убьют. Но обошлось. У каждого что-то было. Мишка Окроченко, москвич, оставлял что-то вкусное – конфету, сахар. Каждый хочет жить, каждый хочет вернуться.

– **Можно было отказаться от выхода?**

– Допустим, ночью что-то приснилось. Утром можно было подойти к лейтенанту, рассказать: «Мне сегодня приснился плохой сон». – «Сегодня ты не пойдешь». Командир взвода был хороший психолог. Даже если человек к нему не подходил, но он замечал, что у него настроение не то, психует, то он отстранял такого бойца от выполнения задания. Никогда таких не посылал. Зачем? Пойдет в следующий раз. Если ты приболел, то тоже не брали.

– **Бывало, что человек ломался? Сначала идет все хорошо, а потом начинает бояться.**

– Это сразу замечали и выводили на второстепенные роли. Не давали ходить за «языком». Держали на нейтральной полосе. Через некоторое время он приходил в норму и возвращался к выполнению серьезных заданий.

– **Где располагались разведвзвод, разведрота?**

– Разведрота обычно стояла рядом со штабом дивизии. Взвод полковой разведки размещался в полукилометре от переднего края. Обычно в избах. Редко мы жили в землянках. У нас была своя кухня. Кормили нас хорошо, так же как и дивизионную разведку. Правда, под Невелем нас окружили. Вот там мы были вынуждены копать землянку. Вообще, в Белоруссии нам, разведчикам, хорошо воевать... Кругом болота, сплошной линии обороны нет. Пройти в тыл к немцам ума не надо. Голодно было – так ходили к немцам за жратвой. У убитых немцев всегда найдешь и выпить, и закусить, и оружие.

В это же время группа наших разведчиков по указанию штаба партизанского движения проводила пять литовцев до кайшядорских лесов возле Каунаса. Чуть ли не 200 километров в одну сторону шли. Причем перед этим их переобули в кеды, чтобы бесшумно могли пройти. Ребят за это наградили.

– **Разведвзвод делился на отделения?**

– Да. Три отделения. Иногда ходили отделениями, но чаще группу набирали из разных отделений. Фактически было ядро из десяти-двенадцати человек, у которых было больше привилегий. Они на задание сходят, потом два дня сидят, пьют, отдыхают. А ты каждый день на нейтралку ходишь, на них работаешь. Но обижаться не приходилось, потому что действительно ребята очень боевые, контактные, коммуникабельные.

– **Сколько было во взводе человек, которые могли вести группу?**

– Максимум человек шесть. Федотов, тот, конечно, выделялся и к тому же был особый, доверительный человек у лейтенанта. Но были другие, которые не хуже его ходили, брали. Когда Вася Героя получил, его стали пестовать, то он вообще задрал нос кверху. Даже с командиром полка как-то подрался...

– **Как себя вели немцы, когда вы их захватывали?**

– По-разному. Приходилось брать и таких, которые не хотели говорить: «Я дал присягу и не буду ничего говорить». Особенно стойкими были офицеры. Приходилось уговаривать, объяснять, что если показаний не будет, то его расстреляют. Объясняли, что для него никакой разницы нет, даст он показания или нет – однополчане все равно не узнают. Уговорами ломали – жить-то все хотят. Конечно, если сразу начать бить, то много не добьешься. Хотя Барабаш бил их... Почему-то у него была лютая ненависть к немцам.

– **Ваше личное отношение к немцам?**

– Плохое отношение. Мы шли по Тульской, Орловской областям. Там на столбах висели трупы. Видели целиком сожженные деревни. В Белоруссии в землянку зайдешь, там куча детей и дед с бабкой сидят или какая-нибудь молодая женщина. Ни есть, ни пить у них ничего нет. Едят по одной картошке в день... Мы им как могли помогали. Нас дети за ноги хватили, целовали наши ноги за то, что мы им принесли буханку хлеба. Какое может быть к немцам отношение?

– **Личный свой счет вели?**

– Мы же не пехота. Мы могли посчитать только «языков». Я уже говорил, что за войну разведвзвод взял 27 немцев.

– **Рассчитывали дожить до Победы?**

– Рассчитывали. Шли разговоры о том, что будем делать, когда довоюем. Каждый думал, кем он будет. Дивизию расформировали в Литве, и очень много русских осталось. Что им в деревню ехать? Допустим, если бы Васька Федотов остался, он был бы директором какого-нибудь предприятия на 100 %. Первый секретарь ЦК Снечук всех заслуженных бойцов уважал, не считаясь с национальностью. Раз в дивизии отвоевал – значит, литовец. А так финиш у него печальный. Вася вернулся в свою Сызрань. Там окончил какую-то партийную школу. Назначили его секретарем райкома, не первым. Поехал на колхозном «газике» с родителями то ли на свадьбу, то ли на день рождения. Там выпил. Перевернул машину. Сам выполз, а мать с отцом погибли. Его, конечно, сразу освободили от должности, но не судили...

– **Вы были ранены?**

– У меня два ранения. В 1944 году осколки гранаты впились в спину. Лечился в медсанбате. Санитаркой там была такая Сонька. Вилинский ее вытащил из роты в медсанбат, а потом женился на ней. Так с ней всю жизнь прожил. 23 апреля 1945-го меня ранило в ноги.

– **Сто граммов давали?**

– Давали, но перед заданием никто не пил. Командир взвода был очень строгий. Перед заданием чуть ли не нюхал каждого. Не дай бог учует – ни за что не возьмет. И правильно: если выпьешь, то осторожность теряешь. Можешь только – вперед, бога мать! В дивизионной разведке спирт стоял канистрами. У них же рядом дивизионный продсклад...

– **Брали трофеи?**

– Мы ничего не брали. Только то, что можно в карман положить: часы, зажигалки. Некоторые снимали кольца или золотые цепочки. У Виленского была повозка с трофеями, пока мы ее в овраг не скинули.

– **Как складывались отношения с мирным населением в Восточной Пруссии?**

– Нормально. Мы их не трогали. Никого не насиловали. Категорически было запрещено ходить к немкам. Боялись, что СМЕРШ может завести дело... Некоторые ребята ходили все равно. Немки и не сопротивлялись. Я никогда не ходил. У нас в санбате были

литовки, мы ходили к ним. Расплачивались трофеями – часы, цепочки. Они о завтрашнем дне думали, а нам что, пошел и не вернулся.

Мы, конечно, не простая пехота. Пошли, взяли «языка» или операцию какую-то выполнили, вернулись – у нас есть свое жилье, своя кухня, мы можем поспать. Кроме того, могли свободно передвигаться в нашем тылу в пределах 2–3 километров. Да в тот же санбат сходить. Конечно, предупреждали командира взвода, но все равно это было больше на доверии.

– **Какое отношение к женщинам на войне?**

– К своим женщинам самое лучшее. Мы их очень уважали и жалели, особенно санитарок в пехотных ротах. Жалко их. Сам знаешь, какие там условия. В медсанбатах, конечно, условия лучше – вода есть. И то, когда наступаем, очень тяжело.

– **Домой писали?**

– Да. Письма доходили быстро, почта хорошо работала.

– **Война для вас самое значимое событие в жизни или какой-то эпизод?**

– Я считал, что нужно воевать и побеждать, чтобы вернуться домой уважаемым человеком. Чтобы видели, что пришел солдат, сделавший свое дело.

– **Война снилась?**

– Конечно. Сейчас почти не вспоминаю. Почему? Потому что не с кем... Нет ребят.

Бухенко Владимир Федорович

Интервью – Николай Чобану

Я родился в 1924 году в районном центре Липовец Винницкой области. В нашей крестьянской семье было шестеро детей, три брата и три сестры, я был самым младшим. Но в 1932 году отец умер, и нас, детей, раздали родственникам, потому что содержать нас у матери не было никакой возможности. Меня усыновила сестра моей мамы, которая жила в Киеве. После окончания семилетки я поступил в энергетический техникум. Успел проучиться там два года, когда началась война.

22 июня по Киеву прокатился слух, что началась война, и только уже потом было сообщение по радио. Сам город 22-го числа не бомбили – только военный аэродром в пригороде. Но налеты начались почти сразу, и поэтому в городе начали копать щели, приспособливали под убежища разные подвалы.

– ***Вы знали, что приближается война?***

– Тогда в нашей стране было твердое убеждение, что война с Германией неизбежна. Но после заключения Пакта о ненападении с Германией делалось все возможное для его соблюдения и чтобы не допустить ни малейшего повода для провокации. У меня, например, был такой случай. В техникуме мне дали путевку в летний лагерь отдыха. Там организовывались всевозможные концерты самодеятельности. Я знал одно стихотворение о революционной борьбе немецкого народа и решил с ним выступить в одном из таких концертов. Так меня предварительно прослушали на предмет того, чтобы проверить, нет ли чего в этом стихотворении обидного или провокационного для немцев.

Представьте, даже в студенческих лагерях думали о таких вопросах, чтобы не дать Германии лишнего повода для начала войны. Напряжение было такое, что все понимали – война с Германией неизбежна, но каких-либо примет приближения начала войны я не видел.

– ***Как ваше окружение восприняло известие о начале войны?***

– Тогда были очень сильная пропаганда и уверенность в том, что наша страна и армия самые сильные и в случае начала войны мы быстро перенесем боевые действия на территорию врага и разобьем его. Молодежь готовили к войне: мы сдавали различные нормативы, и, например, я был «Ворошиловским стрелком». Очень много внимания уделялось патриотической работе, мы верили и партии, и Сталину, и поэтому неудивительно, что мы все хотели поскорее попасть в армию, чтобы защищать нашу Родину.

Но когда наши войска начали отступать, начались бомбежки Киева, а тем более когда началась эвакуация предприятий, стало тревожно. Моего отчима послали организовывать эвакуацию в районах, а мы с тетей где-то в конце июля уехали в город Фрунзе, где у меня жила сестра. Эвакуация происходила организованно, и нам повезло, мы уехали относительно спокойно. Добирались до Фрунзе тяжело, примерно 1,5 месяца. Продуктов, конечно, не хватало, но как-то выкручивались.

– ***Что-то запомнилось из того месяца, что вы еще были в Киеве?***

– Налеты. Причем что меня несколько удивило? Летят немецкие самолеты, по ним ведут огонь зенитки, но никого не сбивают, а наших истребителей вообще не видно. Это меня очень удивило, ведь до войны казалось, что у нас мощная оборона.

– ***Что было во Фрунзе?***

– Беженцев особенно не ждали, хорошо хоть у меня там была сестра. Я устроился жить у нее в общежитии и почти сразу пошел работать слесарем на патронный завод. Это время запомнилось мне как тяжелейшее: изнурительный труд по 12 часов в день при очень скудном питании...

800 граммов хлеба, который мы получали, были основной частью нашего рациона. Кое-какие продукты еще можно было купить, но стоили они очень дорого. Еще при нашем заводе была столовая, где рабочих кормили скудным обедом. Выдавались и карточки на некоторые продукты, которые можно было отоварить в магазине, но сложность была в том, что рабочий день у нас составлял 12 часов и отоварить эти карточки мы просто не успевали. В неделю был всего один выходной, и, кроме того, после работы у нас еще были обязательные занятия по военной подготовке. Это только в молодости можно такое выдержать...

– *Когда вас призвали в армию?*

– На заводе я проработал примерно год, а в октябре 1942 года меня призвали и направили в пехотное училище, которое находилось в том же Фрунзе. Видно, учли, что у меня семилетнее образование и два курса техникума, для того времени это было немало.

В училище было тоже очень тяжело, нас «загружали» очень сильно. Зато нормально кормили и мы жили в хороших условиях. Это был огромный плюс по сравнению с условиями работы на заводе. Но «гоняли» нас в училище нещадно. Особенно запомнились изнурительные марш-броски в полной выкладке. Среди курсантов людей с боевым опытом вообще не было, а среди преподавателей почти не было. Состав курсантов был многонациональный, примерно половина славяне, а половина азиаты, но жили мы очень дружно. Моими друзьями, например, были узбек Юнусов и казах Курманов. Думаю, что обучили нас неплохо, конечно, не сравнить с подготовкой в мирное время, но основам нас обучили. Морально мы, правда, оказались совсем не готовы к тому, что нас ждало уже в первых боях.

– *А с вашими товарищами вы не обсуждали причины неудач начала войны?*

– Только после войны мы стали узнавать все эти факты. А тогда что мы, простые солдаты, да и младшие командиры могли знать? Конечно, ничего. Тогда, конечно, все списывалось на «вероломное нападение фашистов» и на нашу неготовность к войне.

В училище мы недоучились. Через четыре месяца учебы, в январе 1943-го, наш учебный батальон срочно отправили на фронт под Сталинград. Говорили, что офицерские звания получим в дороге, но этого так и не произошло, и мы все остались простыми солдатами. Но пока мы ехали, бои под Сталинградом уже закончились, и всех, а нас было, я думаю, больше тысячи курсантов, просто «раскидали» по разным подразделениям 27-й гвардейской стрелковой дивизии.

По дороге на фронт мы постоянно общались на остановках с ранеными, которых везли в тыл на лечение. И получалась из их рассказов такая невеселая картина: что они воевали всего кто месяц, кто полтора, два – это максимум. И мы начали потихоньку понимать, что в лучшем случае через два месяца и нас повезут в госпиталь...

Выгрузили нас севернее Сталинграда, построили, и начали ходить вдоль строя «покупатели». В разведку набирал бравого вида старший лейтенант. А в разведчики, как известно, отбирали только добровольцев. И мы с моим товарищем Алексеем Солодовниковым решили: погибать, так с музыкой, свои жизни надо «продать» подороже. Мы подошли к этому офицеру и попросились в разведку. Он задал нам несколько вопросов, и то, что у нас не было боевого опыта, его не смутило. Из добровольцев он отобрал всего десять человек. Так мы оказались в отдельной разведроты 27-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в состав 29-го стрелкового корпуса 62-й армии под командованием Чуйкова. За бои под Сталинградом 62-ю армию, единственную из армий, наградили орденом Ленина, и она стала 8-й гвардейской. Ведь награждали только полки, дивизии, корпуса, а армии не награждали. Мне повезло, в составе этой разведроты я воевал до самого конца войны.

– *Какая структура и задачи были у вашей разведроты?*

– В составе нашей роты было два взвода пешей разведки и взвод конной разведки. Но «конники» разведкой почти не занимались, а выполняли, скорее, функции связистов и коноводов у командования дивизии. Среди них большинство людей было «в возрасте». Во взводах пешей разведки была только молодежь. Самый опытный и заслуженный разведчик нашей роты, Виктор Кривоногов, был с 1921 года, и воевал он с самого начала войны. Он был у нас самым старшим по возрасту, а, например, все 10 человек, которые пришли одновременно со мной, были 1924 года рождения. Постоянно в составе роты было 40–45 человек, но непосредственно для «выходов» у нас были две группы примерно по 12 человек. Большинство разведчиков были славяне, но были люди и других национальностей. У некоторых были судимости, но на это не обращали внимание, так как ребята были хорошие и смелые. За что они их получили, я не интересовался, думаю, за незначительные преступления. По моим данным, с момента моего прихода и до конца войны в нашей роте воевало человек 100. Потери роты за чуть более двух лет фронта составляют примерно 50 %.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.